

A movie poster featuring a man with a beard and dark hair, a woman with blonde hair in a bun, and a young child. The man is looking down with a somber expression. The woman is looking towards the camera with a slight smile, holding the child. The background is a warm, reddish-pink color with vertical stripes.

Лада Зорина

ИЗМЕНА

Мы сами
ОТКАЗАЛСЯ
от нас

Лада Зорина

Измена. Ты сам отказался от нас

«Литнет»

2024

Зорина Л.

Измена. Ты сам отказался от нас / Л. Зорина — «Литнет», 2024

— Выйди! — рычит муж. — Какого чёрта ты тут забыла? — Я... —
прижимаю руки к округлому животу, голос дрожит. — Я хотела... — Я занят!
Убирайся! Его слова бьют наотмашь. Но я не могу позволить себе отступить.
— В-вижу, — киваю на девицу под ним. — Вижу, чем занят. Как... как вы
только посмели! — Как мы посмели? — хихикает девица. — Марк, она у
тебя немного того? Блаженная? Всхлипываю от обиды, боли и шока. Но
держусь. Держусь ради нашего малыша. Я знала — мой муж суров и не любит
показывать чувств. Но не знала, что он к тому же изменщик.♥# властный
герой ♥# обнаглевшая любовница ♥# измена мужа ♥# общий ребёнок ♥#
эмоции на грани ♥# ХЭ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Глава 17	38
Глава 18	40
Глава 19	42
Глава 20	44
Глава 21	46
Глава 22	48
Глава 23	50
Глава 24	52
Глава 25	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

— Я знаю, мы не очень-то ладим, но давай договоримся...

Я беспомощно застываю у зеркала, ломая руки в приступе нерешительности.

Мой голос дрожит, а внутри всё сжимается от перспективы нового разговора с мужем.

Но это не повод на всём ставить крест. Тем более что очень скоро нас станет трое...

Я с безотчётной нежностью прижимаю руки к округлившемуся животу.

Ребёнок наверняка всё изменит. Изменит, конечно, в лучшую сторону. Но почему бы не попытаться пойти друг другу навстречу уже сейчас?

Уверена, в глубине души Марк тоже этого хочет. Просто он слишком гордый, слишком жёсткий, слишком суровый для этого человек. Для того, чтобы признаться в том, чего хочет, в открытую.

Ничего не могу с собой поделать и расплываюсь в улыбке, представив, как наконец-то смягчатся его суровые, будто высеченные из камня черты в ответ на моё предложение. Как он признается, что тоже стремится к миру. Что для него важнее всего обрести тот самый мир, которого ищут все семейные люди.

Из своей комнаты я выхожу в приподнятом настроении. А такое со мной случается не очень-то часто с тех самых пор, как мы с Коршуновым поженились.

Знаю, решение для нас обоих было не из простых.

Но всё переменится. Я уверена, всё переменится.

Чтобы добраться до северного крыла дома с кабинетом хозяина, где Марк работал, когда отсутствовал в офисе, мне потребовалось некоторое время.

— Добрый день, Александра Дмитриевна.

Я кивнула в ответ на приветствие молодого охранника, когда пересекала гулкое, отделанное декоративным камнем фойе.

— Костя, вы не знаете, Марк Александрович у себя?

Охранник отчего-то посмотрел в сторону и смущённо кашлянул, прежде чем ответить.

— А вам... кгм... вам он нужен прямо сейчас?

Станный вопрос. Но, может, он занят каким-нибудь срочным делом.

— Мне нужно с ним поговорить. Вы просто скажите, где его отыскать.

— Ну, он, кажется, на втором этаже, — неуверенно отозвался Константин. — Но вроде как не у себя в кабинете. У него вроде как... гости.

Гости? Сегодня за завтраком он ни о каких гостях не упоминал. Впрочем, удивляться тут нечему. Коршунов — владелец крупного бизнеса с многочисленными связями. Многих его знакомых я ни по именам не знала, ни в глаза пока не видела. И знакомить меня со своим миром супруг не то чтобы сильно спешил.

Может, это и к лучшему. Бизнес — дело сложное, нервное и полное рисков. А я сейчас старалась нервничать как можно реже. Чтобы не навредить малышу.

— Поняла. Спасибо большое.

Я попрощалась с охранником и поднялась на второй этаж.

Хоть по телефону его вызывай. В этом громадном домище попробуй с ходу кого-нибудь отыскать...

Но долго блуждать в поисках, как оказалось, и не пришлось. Дверь в большую библиотеку была распахнута настежь. Вокруг — никого, но внутри кто-то возился.

Хотя, конечно, может быть, всего лишь прислуга сметала пыль и...

— О-о-ох... — раскатилось шумное по коридору, мгновенно окунув меня в жар.

Наполненный сладострастием вздох определённо был женским.

Я вросла в пол от шока. Неужели кто-то позволили себе... да ещё в хозяйской библиотеке...

— О-о-о, да-а-а... — донеслось до меня, а потом...

Потом севший голос мужа отрывисто приказал:

— Повернись. Смотри на меня.

От неожиданности меня даже шатнуло.

Я не помнила, как оказалась у раскрытых дверей.

Открывшаяся моим глазам картина простора для фантазии не оставляла. Но в мозг впечатались только детали.

Затуманенный от страсти взгляд фигуристой брюнетки.

Брюнетку зовут Рита. Я успела с ней познакомиться...

Её упругие бёдра с розовыми отметинами от сжимавших их сильных пальцев.

Широкая спина мужа с рельефом мускулов под загорелой, усеянной бисером пота кожей.

Я шумно втянула в себя воздух, нарушив идиллию наслаждения.

Марк обернулся. До того резко, что брюнетка под ним капризно хныкнула.

Серый взгляд полоснул по мне, заставив вжать голову в плечи.

— Какого чёрта ты тут забыла? — рывкает муж. — Выйди!

— Я... — голос не слышится, а в голове пустота. — Я хотела...

— Я занят! Убирайся отсюда!

Эти слова бьют меня. Бьют больно. Наотмашь. Но я не могу позволить себе отступить.

— В-вижу, — дёргаю подбородком в их сторону, пытаюсь отыскать в себе силы, чтобы оказать достойный отпор. — Вижу, чем ты занят. Как... как н-не стыдно такое в-вытворять?

— Стыдно? — изумлённо хихикает Рита и, не стесняясь своей наготы, приподнимается, чтобы рассмотреть меня лучше. — Марк, она у тебя что, немного того? Блаженная?

От этого неприкрытого оскорбления я всхлипываю и наконец отмерзаю. Отшатываюсь от двери и мчусь прочь.

Слышу сзади возню и приглушённые ругательства мужа.

— Стоять! — рывкает он мне вдогонку.

— Да брось ты её! Пусть бежит. Или боишься, что родит раньше времени? — хихикает Рита.

Ответа мужа я не слышу, но слышу его тяжёлые шаги у меня за спиной.

Он хватает меня за плечо, вынуждая остановиться посреди коридора. Разворачивает к себе лицом.

— Русского языка не понимаешь? — рычит и легонько встряхивает, вынуждая поднять на него взгляд. — Я приказываю, ты подчиняешься. Или забыла?

Друзья, приглашаю вас в мою новинку

«Развод. Диагноз - враги?»

Читать: <https://litnet.com/shrt/BZZm>

— Ты был с Дамировой. Я вас видела. Я видела всё!

— Шпионила? — рыкнул муж. — Получила то, что заслужила. Надеюсь, тебе полегчало.

— Как ты посмел так со мной?.. — на глазах всплеснули слёзы. — Я всю себя на этот алтарь положила...

— Всю себя ты на алтарь медицины швырнула. А на нашу семью наплевала.

Нет, он не может это... всерьёз.

— То есть твоей Дамировой можно в карьере расти, а мне...

— С Дамировой я не планировал детей заводить! — рявкнул Карелин. — А с тобой соби́рался строить семью. Только вот ты о детях не думала. Карьера важнее.

— И... что теперь? — вырвалось у меня.

— Теперь — празднуй свои успехи. Одна.

♥# властный мужчина

♥# сложные отношения

♥# очень эмоционально

♥# ХЭ

Глава 2

— Я приказываю, ты подчиняешься. Или забыла?

Эти слова звучат в моих ушах тревожным набатом. Пытаюсь отыскать в себе силы не поддаваться отчаянию. Не опускать руки даже сейчас.

Я просто не могу себе это позволить. Потому что я уже не одна. Мне нужно думать о малыше.

— Не забыла, — сглатываю перегоревший горло колючий комок. — Разве такое можно забыть?

— Тогда почему ведёшь себя так, словно тебе память отшибло?

Саша, держись. Не обращай внимания на его грубость. Ты ведь знаешь, почему он грубит. Это защита, не больше.

— Просто... это неправильно.

— Неправильно? — усмехается.

Отвожу взгляд от склонившегося ко мне лица.

Ненавижу за то, что даже сейчас от одного взгляда на него мои колени слабеют.

Марк Коршунов одним своим видом заставлял женщин плавиться и млеть. Наверное, нет ничего странного в том, что они всё ему позволяли, а он этим пользовался.

Но одно дело пользоваться, когда ты свободен и холост, и совсем другое, когда у тебя есть жена и эта жена ждёт ребёнка!

— Неправильно, — совершаю подвиг, выдерживая его пристальный взгляд. — Ты поступаешь мерзко. Спишь с другими женщинами, когда...

— Ну? — издевательски. — Когда что?

— Когда у тебя есть для этого я! — выталкиваю из себя и густо краснею.

Я совсем не это собиралась сказать, но в его присутствии по-прежнему безнадежно теряюсь и вечно несу какую-то чушь.

— Ты, — усмехается и проходится по мне уничижительным взглядом сверху вниз и обратно. — Благодарен, что напомнила. И польщён, конечно, тут не отнимешь.

Смотрю на него в недоумении. Даже о жарко горящих щеках на секунду забыла.

— Марк, зачем ты так надо мной издеваешься? Мы ведь... — беспомощно оглядываясь, будто всерьёз ожидаю, что кто-то невидимый поможет мне слова подыскать, — мы ведь договорились жить в мире. Я тебя уважаю. Я тебя слушаюсь. Я всё делаю, как ты мне говоришь!

Его лицо каменеет. И без того суровые черты становятся заметно жёстче.

Я снова ошиблась, решив, что мои примирительные речи смогут на него повлиять.

— Как это я умудрился проморгать такой важный момент, — цедит он, — когда ты из невинной овечки в лживое создание превратилась?

— Ч-что?..

Мне даже голос от шока отказывает, оборачиваясь позорно тихим шёпотом.

— Бросай делать вид, что не понимаешь, о чём я говорю.

Ничего не могу поделать. Срабатывают старые детские травмы — тут же пытаюсь припомнить, в чём могла провиниться. Обвиняют, значит, точно в чём-нибудь да виновата. Я могу заблуждаться. Другие не врут.

Только вот ничего на ум не приходит. С самого момента нашей свадьбы я вела себя тише воды, ниже травы. Старалась побольше узнать о своём муже, о его привычках, о том, что он любил и чего не любил. Он всех держал на расстоянии вытянутой руки, не делая исключений, но я надеялась эту пропасть преодолеть. Я надеялась помочь ему так же, как он помог мне. Я считала это своим непосредственным долгом.

И чем мои старания обернулись?

— Я н-не понимаю. Марк, я действительно не понимаю! Да объясни ты мне наконец, чем я перед тобой провинилась! И провинилась настолько, что ты позоришь наш брак, не постеснявшись каких-то... девок в дом приводить!

Стараюсь не давать воли слезам. Коршунов не переносит женские слёзы.

— Этот дом — мой, — жестоко напоминает мне муж. — И я привожу сюда всех, кого мне захочется.

На это мне нечего возразить. Факт непреложный — в эти роскошные хоромы и я попала исключительно потому, что пошла за него замуж.

— Вернёмся к твоему сомнительному утверждению, — с неожиданной вкрадчивостью предлагает муж. — Уважаешь и слушаешься. Верно, мышонок?

А меня невольно передёргивает от того, что он снова делает это. Снова называет меня тем ненавистным прозвищем, которое дал мне, когда мы познакомились.

Да, я не писаная красавица и роскошностью форм похвастаться не могу. Но и дурнушкой меня сложно назвать. Так зачем он тогда так со мной?

Но я знаю, он ждёт, что я взбрыкну. Что снова начну возмущаться и потребую называть меня либо по имени, либо вообще никак не называть. Но только не этим ненавистным мышонок!

Вместо этого упрямо гну свою линию:

— А я разве давала повод хоть раз во мне усомниться?

— Даже если это был всего раз, его хватило. И за глаза.

— Не понимаю, о чём ты говоришь.

Вместо ответа Коршунов кивает на мой живот.

Мои глаза распахиваются от шока.

— Это... что? Что ты этим хочешь сказать?..

— Думала, не узнаю? — зло усмехается муж. — Думала, не узнаю, что этот ребёнок — не мой?

Глава 3

— Думала, не узнаю, что этот ребёнок — не мой?

Наверное, позволь он себе рукоприкладство, оно не настолько бы меня ошарашило.

— Н-не твой? — прошелестела. — *Не твой?* Марк, о чём ты говоришь?

Но на мужа моё изумление положенного эффекта не производит. Хуже того, оно его только бесит сильнее. Я вижу, как раздуваются тонкие ноздри и бешено пульсирует жилка у него на виске.

— Брось притворяться. Я знаю всю правду. Что, не смогла расстаться со своей прошлой жизнью? — он склоняется ниже, и его голос переходит в угрожающий рык. — А я предупреждал. Выходишь за меня, оставляешь прошлое в прошлом!

— П-прошлое в прошлом? Господи, д-да о чём ты вообще говоришь?

— О твоих поездках за город! — рывкает Коршунов. — И о том, с кем ты там встречалась. Уже после свадьбы! Только не смей делать вид, что не понимаешь, о чём я говорю!

Вдохнуть как следует не получается, поэтому хватаю воздух ртом, словно всерьёз боюсь задохнуться.

— Я... я ездила маму свою н-навестить. Деньги на лечение отвозила. Я же тебе объясняла! Ты свою охрану со мной отпускал!

— Охрану, которую ты оставила в доме матери, чтобы в соседний дом прогуляться, — уничтожил меня своей осведомлённостью муж. — Ты всерьёз рассчитывала от меня это скрыть? Подумала, что я никогда не узнаю?

У меня начинает кругом идти голова. Не могу сообразить, как можно было так извратить всё, что случилось.

Да, в тот день я виделась с человеком, который когда-то был моим женихом, но между нами ничего не было! Не было и быть не могло!

Но толку кричать и биться в падучей? Коршунова сейчас ничто пронять не могло. Полагаться стоило только на разумные доводы. Вот только где их сейчас взять?

— Марк, эта встреча...

— Что, уже не отрицаешь?

— Я знала, что она тебя разозлит, поэтому ничего о ней не сказала.

— Обманула охрану.

— Думаешь, они отпустили бы меня, если бы знали, что мне что-нибудь угрожает? — не выдержала я. — Они же перед моим приездом всю местность в посёлке прочесали!

— Не съезжай с темы!

Он вцепился в меня, как питбуль. Мёртвая хватка, от которой ничто не спасёт.

— Илья был в такой же опасности, как и я. Мне нужно было удостовериться, что с ним всё в порядке.

— Испереживалась за своего жениха? — издевательски бросил муж.

— Бывшего жениха! — выкрикнула я. — И бывшим он стал задолго до того, как я за тебя замуж пошла! Не притворяйся, что не знаешь этого или забыл!

— Бывший или нет, это не помешало ему стать отцом *будущего* ребёнка. Неудивительно, что ты так на эту встречу рвалась, — серые глаза полыхнули мрачным огнём. — Соскучилась по знакомым объёмам.

И после паузы уничтожил:

— Теперь-то понятно, почему в супружеской постели ты никогда особого рвения не проявляла.

Издевательство достигло своей омерзительной цели. Меня передёрнуло.

Вряд ли тогда я отдавала себе отчёт в том, что творила, поэтому ощущение было такое, что тело действовало само по себе.

Моя ладонь беспощадно впечаталась в его крутую скулу.

Пощёчина вышла неловкой, но достаточно сильной, чтобы его голова дёрнулась.

— Ты... ты ч-чудовище! — прошипела я в ненавистное лицо. — Как... как ты смеешь такое мне заявлять?

По его заросшей щеке расплзается тёмное пятно от пощёчины. Но Коршунову плевать. Он перехватывает мою онемевшую от удара руку, дёргает на себя.

— Брыкаться надумала? Жертву из себя строишь?

— Немедленно меня отпусти! Убери от меня свои р-руки!

— Ма-а-арк, ну ты скоро? — внезапно раздаётся у него из-за спины.

В поле моего помутившегося зрения всплывает взлохмаченная Рита. Она недовольно дует пухлые губы и стягивает на узкой талии шёлковый поясок своего изрядно помятого платья.

— Что тут происходит? — переводит взгляд с него на меня и усмехается. — Слушай, может, ты всё-таки потом со своей брюхатенькой разберёшься? Некрасиво заставлять неудовлетворённую даму ждать.

Меня выворачивает от боли и омерзения. Хочется вцепиться в покрашенные глаза этой наглой девицы без оглядки на любые последствия.

— Уйди, Рита! — гневно рявкает муж. — Вернись в кабинет!

— Ну уж нет, — её ухмылка становится шире. — Хочу посмотреть, как ты со своей неверной жёнушкой разберёшься.

Что?.. Эта... эта развратная дрянь знает, в чём меня обвиняют?..

Но вопрос не успевает слететь с моих губ. Коршунов оборачивается и командует:

— Или ты возвращаешься в кабинет, или к себе. Повторять не собираюсь.

Его приказ заставляет брюнетку скулиться, но послушаться своего любовника она себе позволить не может. Поэтому окинув меня на прощание презрительным взглядом, возвращается туда, откуда явилась.

Муж поворачивается ко мне и предупреждает:

— Разговор не окончен.

Резко отпускает меня, и я приваливаюсь к стене, опасаясь, что попросту упаду.

— Возвращайся к себе. Сейчас же. Сегодня вечером мы со всей этой грязью покончим.

Глава 4

— Я же тебе говорила, — протянула Маргарита, взгромоздившись на стол, куда он повалил её перед тем, как в библиотеку ворвалась супруга.

Супруга, которая строит из себя пугливую мышку. Которая делает вид, что подчиняется. А сама, рискуя своей бестолковой башкой, таскается на свидания с бывшим.

Марк даже глаза прикрыл от резкого наплыва почти неконтролируемого гнева.

— Я говорила, что она будет отнекиваться. Будет всё отрицать.

Маргарита упёрлась ладонями в стол и откинулась чуть назад, покачивая ногой, закинутой на ногу.

Помятое платье соблазнительно обрисовывало высокую грудь и волнующую линию бёдер. Но они его сейчас не волновали.

Его волновало то, что не должно было волновать.

Во всяком случае, не настолько, чтобы будить выжигающее всё внутри пламя сумасшедшего гнева.

Ни один человек в его жизни не заслуживал значить для него столько, чтобы так сильно и так легко выбивать его из равновесия.

— Марк, ты действительно так сильно расстроился?

— Расстроился? — рыкнул он, оборачиваясь.

Его внутренний зверь не мог пройти мимо такого лакомого куска — выплеснуть свой гнев хоть на кого-нибудь. Например, на гонца, принёсшего дурные вести.

Впрочем, Рите не привыкать и не удивляться. Она знала о его крутом нраве. Знала и всё равно возвращалась к нему. Её не пугали его приступы бешенства.

— Я просто к тому, что я понимаю...

— Да с какого бы чёрта ты понимала! — рявкнул он, ощущая невыносимое жжение в самом центре грудной клетки. — Расстроиться можно, если день не задался! А моя жена собирается мне чужого ребёнка в подоле принести, решив не признаваться, что он чужой! Разницу ощущаешь?

Маргарита прищурилась, будто на минутку о чём-то задумалась.

— Ну... а что если она и сама не догадывалась об этом?

Она фыркнула в ответ на его вытянувшееся лицо.

— Нет, ну серьёзно. Зная твою ненасытную натуру, — она едва не облизнулась, — предположу, что ты весь медовый месяц из постели её не выпускал. Ну, вот, она улучила момент, скаталась к маме в деревню и встретила там со своим ухажёром. У них всё случилось, а потом выясняется, что понесла. С таким насыщенным «графиком» немудрено и запутаться.

Она хихикнула, упиваясь собственной дурной шуткой.

В любое другое время он скорее всего поморщился бы. Сейчас гнев слишком застил разум, чтобы хоть как-то реагировать на эти ужимки.

— Бросай нести чушь.

— Ну, — Маргарита развела руками. — Я хотя бы попыталась её оправдать.

— Я об этом тебя не просил.

— Ты и проверять отцовство своё не просил. Но видишь, как я удачно ослушалась, — оскалилась Рита. — Я ведь чуяла, что-то с этой *Сашей* так. Вот прямо божий одуванчик, а в такие обстоятельства впуталась. Порядочные девушки в подобные переделки не попадают. Попробуй мне возразить.

Когда Маргарита — владелица сети клиник и женских консультаций — принесла ему результаты, он её едва не придушил.

Но он мог сколько угодно ломать мебель, орать, угрожать и метаться. Результаты теста, которые позже ещё и подтвердили, это не отменяло.

— Марк, ты знаешь, как я к тебе отношусь, — Маргарита тогда даже не подумала обидеться на его необузданный гнев. — Но я лучше позволю тебе себя действительно придушить, чем этой маленькой лгунье обманывать мужчину, который мне небезразличен.

Он пропустил мимо ушей её прозрачный намёк, её почти что признание.

Он не собирался делать Марго предложение, даже когда Саши Нечаевой и на горизонте не было. Не говоря уже о том недавнем времени, когда он согласился взять её замуж.

Но вот чего не пропустил, так это её обещаний:

— Просто знай, что я останусь на страже твоих интересов. Кем бы мы друг другу ни были и что бы ни произошло. Я всегда готова помочь.

Её беззаветная преданность не раз его выручала — и в бизнесе, и в личных делах. У него не было причин не доверять ей и теперь, тем более что штамп в его паспорте ничего для неё не менял.

— Вот видишь, — Риту явно порадовало его молчание. — Возразить тебе нечем. Потому что ты знаешь, что я снова права.

Он ждал, пока гнев хоть немного уляжется. Пытался стереть из памяти обращённое к нему бледное, как мел, лицо с голубыми глазами, полными непролитых слёз. Тонкую руку, беспомощно прижатую к округлившемуся животу.

Он почему-то решил, что с ней всё будет иначе.

Дурак.

Саша Нечаева — такая же лживая дрянь, как и остальные. Других женщин в его жизни не было, нет и быть не могло. Разница только в том, что теперь одна из них носила его фамилию.

— Марк, — донёсся откуда-то издалека призывный голос Риты. — Давай хоть ненадолго забудем обо всём этом безобразии. Иди ко мне. Я знаю, как помочь тебе об этом забыть.

Глава 5

— Доченька, да что ты такое говоришь?..

А я уже давно ничего не говорю. Только рыдаю, как заведённая, в трубку.

Наверное, завись от этого сейчас моя жизнь, и тогда бы не сумела остановиться.

Мне больно, мне страшно. До невыносимости.

— Я... я н-не знаю, ч-что мне... делать...

Мать какое-то время молчит, очевидно, давая мне время на то, чтобы прорыдаться. Толку пытаться мне что-нибудь объяснить, если за своими неконтролируемыми всхлипами я её сейчас едва слышу.

— Саша...

Я переживаю, когда меня хоть немного отпустит и перестанет так колотить.

— Саша, послушай, — голос матери становится строже, будто она отчитывать меня собралась.

— С-слушаю, — выдохнула я, конвульсивно вдохнув.

Интуитивно я знаю, что она скажет. Потому что в моём положении не так уж много альтернатив. А если уж начистоту, альтернативы отсутствуют.

— Во-первых, постарайся всё-таки успокоиться. Тебе сейчас нельзя быть эгоисткой. Нужно думать в первую очередь о ребёнке.

Эти слова заставляют меня едва ли не вжать голову в плечи.

Мне стыдно. Мне мучительно стыдно, оттого что мать вынуждена проговаривать мне очевидные вещи. Я не имею права расклеиваться. С некоторых пор я несу ответственность не только за себя, но и за малыша, растущего под сердцем.

— Ты меня слышишь?

Я угукнула. И это настроило мать на более благостный лад.

— Вот и отлично. Поэтому, во-вторых. А во-вторых, Сашенька, слушай во всём своего мужа. Не смей ему перечить!

Я шокированно молчу. Может, она не расслышала. Или что-нибудь не так поняла?

— Мам, да он же...

— Я слышала, Саша. Я слышала, — с неожиданным напором прерывает меня мать. — Тебе сейчас нужно его успокоить. Нужно продемонстрировать полнейшую покорность. Чтобы он уgomонился.

— Да з-зачем?..

— Молодая ты пока слишком, — вздохнула мать. — Молодая и глупая. Затем, чтобы получить возможность лавировать. Ну? Не понимаешь?

Я не понимала. Совершенно не понимала, что она этим хотела сказать.

— Мам, я, по-твоему, мнению, какие-то интриги плести должна?

— Да при чём здесь интриги? Ты же видишь, как он разозлился! До того, что по бабам пошёл.

— Не пошёл он по бабам, — вмешалась я тихо. — Эта... женщина. Эта Рита. Они давно с ней знакомы. Она его... она ему как лучшая подруга или что-то вроде того.

— Ересь какая-то! — обрubiла мать. — Подруга-не подруга, а ты ему законная жена!

Сейчас эти слова звучали скорее как жестокая шутка.

— Мам, ты прекрасно помнишь обстоятельства нашей свадьбы...

— Он обязался жить с тобой в мире. Хранить тебя и защищать. Воспитывать ваших детей, — принялась напирать она, будто и слышать не хотела моих аргументов.

— Детей, которых он вот так запросто обзывает чужими! — крикнула я в трубку, едва сдерживаясь от нового потока горячих слёз.

— Вот об этом я тебе и талдычу, а ты ничего не слушаешь. Только сопли жуёшь!

И дальше, уже чуть смягчившись, добавила.

— Слушай, что я тебе говорю. И слушай внимательно, будь добра. Ты проявишь максимальную сдержанность и покорность. Ни в чём не будешь перечить. Никто не может вечно бушевать и в ярость впадать. Даже человек с таким крутым нравом, как у него. Выждешь, пока он слегка отойдёт, подуспокоится. А уж потом с ним поговоришь.

— Да о чём нам говорить?

— Ну не строй из себя дурочку! Увидишь, что он чуть оттаял, пришёл в себя, включил голову, и выступишь на новом тесте.

Я судорожно выдохнула. Сейчас я сомневалась, что он хоть когда-нибудь отойдёт настолько, чтобы прислушаться к этой просьбе. Я вообще начинала подозревать, что Коршунов ухватился за эту наглую ложь, как за спасение. Не захочет больше ничего выяснять, откажется от отцовства и вышвырнет нас с малышом на мороз.

Меня даже в пот бросило от такой перспективы.

— А ещё, Саша, не будь мямлей и потребуй от него все бумаги, — донёсся до меня строгий голос материю — Пусть покажет, что это за тест-то такой. Где это видано — так беспардонно поступать? Какое право без твоего ведома его вообще проводили? Это что за беспредел творится-то?

— Это не беспредел, — тихо проговорила я. — Это мир богатых людей. Тут легко нарушают любые правила ради собственной выгоды.

— Теперь ты часть этого мира, — отрезала мать. — Во-первых, учись вести себя соответственно. Во-вторых, прояви стойкость. О разводе даже не думай. Держись за своего мужа. Он наша опора и наша поддержка. Сашенька, доченька, ты ведь знаешь, что без него нам конец.

Друзья!

Благодарна вам за интерес к моей новой книге! Спасибо за ваши звёздочки и комментарии. ##

Если сюжет успел вас зацепить, оставайтесь на связи!

Глава 6

— Сядь.

Мы на летней площадке под белоснежным навесом.

Вокруг летняя тишина. Только где-то вдалеке, в глубине окружающего дом сада неутомимо трудятся невидимые отсюда садовники.

Муж на телефоне. Слушает чей-то отчёт и хмурится. Подкрепляет свой короткий приказ, указывая подбородком на плетёное кресло, придвинутое к круглому стеклянному столику.

Послушно отодвигаю его и осторожно сажусь. Жду, когда он закончит.

Украдкой бросаю на него изучающий взгляд.

Чего ждать от этого разговора...

Его густые чёрные волосы слегка растрепал тёплый ветер. Под глазами залегли тени, хоть они и не слишком заметны на его загорелой коже.

Тяжёлая челюсть сжимается в ответ на то, что он слышит. Серый взгляд всё больше мрачнеет.

Отвожу взгляд и украдкой вздыхаю. Вспоминаю слова матери.

Слушаться. Не брыкаться. Во всём соглашаться.

Смогу ли? Не знаю. После того, что стряслось, я не знаю...

Чехол телефона клацает о стекло, вытаскивая меня из водоворота мыслей.

— Я решил, что тебе лучше выехать за город.

Эти слова до того неожиданны, что первое время я могу только моргать, переваривая то, что услышала.

— За город? Мы... мы же и так...

— *Дальше* за город. К моей родне.

— К тётке, — догадалась я. — К Медее.

Марк кивает, но смотрит не на меня. Кажется, его мысли сейчас далеко. Уже наверняка что-то планирует, просчитывает, решает.

— Вы с ней довольно неплохо ладили. Насколько я помню.

Мы гостили у неё всего раз. Перед свадьбой. Мне устроили целый смотр. Но тогда я не посмела бы и слова сказать поперёк. Обстоятельства к этому совсем не располагали.

По правде сказать, они с тех пор не сильно-то и изменились. Только теперь не будущий муж вёз меня знакомиться с членами своего влиятельного семейства, а изменщик-муж пытался избавиться от опостылевшей ноши.

Только вот опостылевшей по совершенно дикой, надуманной причине, до сих пор не укладывавшейся в моей голове.

— Мы не настолько хорошо с ней знакомы, чтобы судить, — отозвалась я.

— У вас будет предостаточно времени это исправить.

Он бросил короткий взгляд на мой живот:

— Как ты себя чувствуешь?

Вопрос прозвучал отрывисто, отстранённо. Будто Коршунов считал своим долгом осведомиться о моём состоянии. Не более того.

— Уверена, ты и так знаешь. Ты же ко мне целый штат медицинский приставил.

— Жаловаться собираешься?

Я слотнула, вспоминая, что говорила мне мать.

Слушаться. Не брыкаться. Во всём соглашаться.

Я обещала и себе, и ей думать в первую очередь о ребёнке.

— Разве я смею? — слетело с моего языка

Муж пропускает мою беззубую «шпильку» мимо ушей.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Кусаю язык, чтобы не наговорить куда больше.

— Марк, я не хочу уезжать.

Порываюсь добавить, что не хочу уезжать, не поговорив, но не успеваю. Потому что у него, конечно, ответ уже давно наготове.

— Я не спрашивал тебя, хочешь ты этого или нет. Я поставил тебя перед фактом. Тебе придётся уехать.

Не к месту вспоминаю выражение его лица во время телефонного разговора.

— Почему?

— Потому что я так сказал, — припечатывает, и тон его не даёт ошибиться. Будешь расспросами донимать — скорее всего, пожалеешь.

— Это... жестокий ответ.

От напряжения по крутой, укрытой чёрной щетиной челюсти прокатывается желвак.

— Я оценивать его тебя не просил. Твоё мнение на этот счёт мне безразлично. Это, надеюсь, понятно?

Слушаться. Не брыкаться. Во всём соглашаться.

— Понятно.

— А раз понятно, то сегодня тебе помогут собраться.

И вот тут кое-как обрётённое равновесие покидает меня со стремительной быстротой.

— Се-сегодня? То есть... ты хочешь, чтобы я уехала завтра?

Коршунов придавливает меня к месту тяжёлым пристальным взглядом.

— А с этим могут возникнуть проблемы?

Я отчаянно пытаюсь собраться с мыслями, досадливо отмечая, что во время беременности мне даётся это особенно нелегко.

Но придётся. Придётся, если я не хочу становиться в этом адски неравном браке чем-то, что ничтожнее пустого места.

— Нет, — отвечаю с мнимым спокойствием. — Нет, не возникнут. Но нам нужно поговорить.

Муж мрачнеет. Он, конечно же, понимает, о чём я.

— Мы уже обо всём поговорили.

— Нет, не поговорили, — мой голос дрожит. — Ты унизил меня, ты несправедливо меня обвинил...

— Не тебе заводить разговор о справедливости, — обрывает муж. — Завтра ты едешь за город.

— Да почему? — взрываюсь я и выскакиваю из кресла. — Откуда такая стремительность? Почему?!

Коршунов поднимается следом и нависает надо мной:

— Потому что тут тебе оставаться небезопасно! Всё уяснила?

Глава 7

— П-почему? — смотрю на него сквозь плену набегающих слёз. — Почему? Что случилось?

Коршунов смотрит на меня безо всякой жалости, и я не могу поверить, что он действительно обеспокоен моей безопасностью. Мне и раньше-то эта вера давалась с трудом.

Но то было раньше.

С тех пор мы успели свадьбу сыграть и... и теперь ждали ребёнка.

Вернее, *теперь* его ждала только я. Ведь по каким-то сумасшедшим соображениям мой муж вообразил, что он к этому ребёнку отношения не имеет!

— Не важно.

— Что значит, н-не важно?..

— Я не собираюсь делиться с тобой закрытой информацией, — отделался ничего не значащей фразой супруг. — Она ничего тебе не даст. Только расстроит и испугает. Ты этого хочешь?

И он угрюмо кивает на мой округлый живот.

Я уже привычным жестом накрываю его дрожащей ладонью. В тщетных попытках защитить ещё не рождённое дитя ото всех жестокостей этого мира.

Но кто же мог подумать, что отец его окажется не менее жесток?..

— Ты поздно спохватился, — стараюсь не отводить глаз от его мрачного лица. — За это короткое время я уже столько раз была расстроена и напугана, что это... это наводит на мысль.

Кажется, мужа удивило моё нежелание оставить тему в покое. И он угрюмо ждал пояснений.

Мне пришлось пару раз конвульсивно сглотнуть, прежде чем я смогла продолжить.

— М-мне кажется, дело вовсе не в этом.

— Не в чём?

— Ни в какой не в угрозе, — упрямо стою на своём.

Серые глаза угрожающе прищуриваются. Как это так, я посмела поставить под сомнения его слова!

— Поделись, будь добра, своими ценными наблюдениями, — с опасным спокойствием требует он.

— Угроза здесь только одна. Я. Угроза твоему уединению, — мой подбородок дрожит, но я продолжаю. — Ты просто отсылаешь меня подальше, чтобы... чтобы со своей подружкой без свидетелей развлекаться!

Коршунов не бросается мне возражать, а молчит и жжёт меня взглядом.

— А это, — наконец-то снисходит ответить, — уже не твоего ума дело, *Саша*. С кем захочу развлекаться, с тем и буду. С тобой под этой крышей или без тебя. Ты-то себе в этом удовольствии не отказывала.

Эти слова бьют меня не хуже электрического разряда.

— Да это же бред! Как ты вообще можешь о таком говорить? Как ты смеешь в таком меня обвинять?!

— Побереги дыхание. Я не собираюсь пережёвывать эту тему. Мне достаточно того, что я узнал.

— Но то, что ты узнал, полнейшая чушь! Марк, это неправда!

— Мне твоих оправданий не нужно. Я им всё равно не поверю.

Я вижу, что он взбешён. Держится буквально на волевых. Но я не могу молчать и проглатывать такое чудовищное обвинение! Да и что это за мир-то такой, в котором я должна жить с тираном, который обвиняет меня в том, что я сплю с другими!

Он был первым, первым и единственным! Так откуда он взял эту чушь?

И откуда такое бестолковое, но упорное сопротивление любым моим попыткам донести до него правду. Ведь её так легко установить!

И если сейчас я уеду, если сейчас он благополучно сошлёт меня к своей тётке, потеряю любую возможность что-то ему доказать.

— Я никуда не поеду, — отвечаю со всей твёрдостью, на которую только способна.

Серый взгляд тяжелеет.

— А куда ты денешься, мышка? — с угрожающим спокойствием спрашивает муж. — Я разве выбор тебе какой-то давал? Нет, насколько я помню. Поэтому ты сделаешь так, как я сказал.

— Я н-не мышка, — вздёргиваю подбородок. — Я твоя жена. Я мать твоего будущего ребёнка. Прояви уважение!

— О том, что ты моя жена, я и не забывал, — цедит Коршунов. — А что касается матери *моего* ребёнка...

Он не успевает договорить.

Я повторяю свой единственный манёвр, с помощью которого мне удаётся заставить его замолчать.

Моя ладонь врезается в его крутую скулу, и от опалившей её резкой боли хочется взывать.

Но я закусываю губу, наслаждаясь секундой триумфа.

Потому что мгновением после на моём запястье стискиваются стальные клещи.

Его лицо неожиданно оказывается всего на волосок от моего. И я с ужасом вижу, что каким-то образом умудрилась рассечь ему губу.

Кольцо. Обручальное кольцо сделало своё коварное дело.

Муж недобро мне усмехается.

— Ну как? — едва ли не шёпотом, — Полегчало?

Словно замороженная, смотрю на капельку крови, выступившую на его нижней губе.

— Не полегчало! — упрямо в ответ.

Хмыкает.

— Дам совет. Полегчало бы, если бы ты врать перестала.

— Я тебе не врала! Врёт твоя... твоя дрянь, с которой ты развлекаешься! Я ни с кем, кроме тебя, не была! Ты слышишь?

Его лицо — каменная маска, и только в глазах мелькает что-то, не совсем мне понятное. Что-то похожее на настоящую боль.

— А почему бы тебе вдруг не быть? М? Почему?

Никогда. Никогда и ни за что ему не признаюсь. Он этого признания не заслужил!

— Вот и я так подумал, — делает ошибочное заключение муж.

Он отпускает моё запястье, и я отступаю на пару шагов, боясь потерять равновесие.

— Иди, — уже в мою сторону и не смотрит, будто растерял весь интерес к разговору. — Уходи. Собирай свои вещи. Завтра ты уезжаешь. Это не обсуждается.

Глава 8

— С глаз долой — из сердца вон? — шутит тётка и даже понятия не имеет, насколько близка в этот раз к истине.

Мы стоим в вестибюле её огромного загородного дома.

Она не Коршунова и к богатствам их семьи отношения не имеет. Её покойный супруг — Давид Алиханов — сколотил состояние в нефтяном бизнесе. И сейчас, после его смерти от инсульта три года назад, вдова Медея Алиханова владела капиталами мужа. Насколько мне было известно, по мере сил даже приумножала их и немалую часть тратила на благотворительность.

— Надеюсь, вы не заставите меня краснеть и бледнеть за моё своеобразное чувство юмора, — безо всякой злобы проворчала она, не получив от нас должной реакции.

Пришлось, спохватившись, наступить на горло собственным горестям и ответить ей слабой улыбкой, чтобы родственница раньше времени не заподозрила, что мы к ней не с рутинным визитом.

— А разве это возможно? — с непроницаемой серьёзностью интересуется Марк и заслуживает от тётки одобрительную улыбку.

Стараюсь на него не смотреть. Мне хватает и того, что приходится изображать безмятежное состояние счастливой будущей матери, приехавшей погостить у родственников мужа.

На душе сейчас может быть что угодно, но вот внешне...

Внешне у нас всё хорошо. Я в полном порядке. Просто немного устала с дороги.

В моём положении это тем более неудивительно.

— Я гостей не ждала, уж вы меня извините, — Медея сцепила свои аристократически сухие пальцы в замок, и унизывавшие их перстни едва слышно заклекотали. — Но мы легко и быстро подстроимся. Видите ли, я всего пару дней как из поездки.

— Где гостила?

— В Греции. Ах, Санторини! — она мечтательно закатила глаза. — Марк, я тебе уже говорила, вам с женой обязательно нужно там побывать. Что тебе стоит выгнать из ангара свой самолёт и показать жене самые живописные уголки этого мира?

Боже мой, она так не вовремя произносила эти слова, что худшего момента, кажется, и представить себе невозможно...

— Скоро моим самым захватывающим путешествием будет поход из кресла на диван, — поспешила я увлечь разговор в иное русло.

Медея махнула рукой, но, слава богу была вовсе не прочь сменить тему.

— Как ты, дорогая? Как ребёночек?

— Всё хорошо. Мы в полном порядке.

Тётка перевела взгляд на молчаливого племянника.

— Марк, не волнуйся, под моей крышей твоя супруга в полнейшей безопасности.

— Не сомневался, — с равнодушием отозвался мой муж.

Я постаралась не обращать внимания на холод, которым на меня веяло от этих слов. Но не стала бы лгать, будто это далось мне легко. Я вообще сомневалась, что мне это далось. Спасало лишь то, что в тот момент на меня никто не смотрел.

— Надолго вы в гости?

Да, Расскажи ей, Марк. Расскажи ей всю неприглядную правду.

— В гости приехала только супруга, — в этом низком, пронизанном хрипотцой голосе эмоций было не больше, чем у холодного мрамора, укрывавшего пол под моими ногами.

— Вот как?.. — вдова Алиханова устремила на меня изучающий взгляд своих необыкновенных золотисто-карих глаз. — Хм... очевидно, по телефону я не так тебя поняла. Ну...

хорошо. Я надеюсь, твой отъезд никак не связан с работой? Ты не бросаешь жену на мои дряхлые плечи, потому что у тебя горит новый контракт?

Боковым зрением вижу, как Коршунов встряхивает головой.

— Нет. У меня есть другие дела, требующие внимания.

Сердце сжимается.

Я даже видела эти дела! Эти буйноволосые, бесстыжие дела на стройных ножках!

Но я молчу. Молчу, как смиренная, послушная и не смеющая перечить воле мужа овечка.

Потому что слишком многое от этого сейчас зависит, включая безопасность и будущее моего ещё не рождённого малыша.

— Хм... — сжимает узкие губы тётка. — Что ж... по твоему немногословию я делаю вывод, что распространяться об этих делах ты не намерен.

Пауза.

— Я потом тебе всё расскажу.

Врёт. Врёт и не краснеет.

— Поймаю на слове, — предупреждает она. — Ну хоть чаю-то с нами попьёшь?

Коршунов хмуро качает в ответ головой.

— Некогда. Меня ждут мои люди. Обязательно выпью, но в следующий раз.

— Ты совсем себя не бережёшь, — качает Алиханова головой. — Весь в отца. И ничему на его ошибках не учишься.

— Хватит и того, чему он успел меня научить, — голос мужа становится жёстче, грубее. — Как за одну ночь наделать долгов так, чтобы их твоим внукам хватило.

— Марк...

— Поэтому мои извинения за то, что на чай не остаюсь. С отцовским наследием за меня никто не разберётся.

— Если речь не о бизнесе... — в карих глазах впервые за наш разговор мелькает искреннее беспокойство. — Марк, нам с Сашей стоит начать переживать?

Муж бросает на меня нечитаемый взгляд с высоты своего немалого роста.

— Не о чем переживать, — бросает он, не сводя с меня взгляда. — Бери пример с моей супруги. Она научит тебя обо мне не волноваться.

Глава 9

— Вот, значит, как?.. — Алиханова переводит внимательная взгляд с него на застывшую у него под боком супругу и обратно. — Беспокоиться, значит, не о чем?

— Ситуация под контролем.

Он не исповедоваться приехал. Он приехал хотя бы на время освободить себя от нежеланного груза, чтобы глупостей не натворить.

Но, справедливости ради, эта причина была вовсе не главной из списка. Что бы там его благоверная себе ни надумала. Это уже проблемы её разыгравшегося воображения.

— Ну... это, конечно, внушает мне оптимизм, — отозвалась тётка тоном, который явно свидетельствовал об обратном. — Ладно. Все дальнейшие разговоры нет смысла вести тут, на пороге.

Она щёлкнула пальцами и обернулась.

В этом доме всё работало как часы, поэтому он совершенно не удивился, когда откуда-то их теней обширного вестибюля выскочил парень в форме и застыл в ожидании хозяйского приказа.

— Андрюш, проводи нашу дорогую гостью в её комнаты наверху. Саша, — она обернулась к его супруге, взяла её руки в свои и легонько их пожала, — любые свои пожелания адресуй Андрею. Всё, что угодно. Всё, что понадобится или может понадобиться. Ты поняла?

Она дождалась нерешительного кивка и отпустила его жену вместе с прислугой.

Багаж из его авто, он был уверен, уже давно выгрузили, а прибывших вместе с ними медика и его ассистентку давно определили где-то неподалёку.

— Я планировал оставить здесь кого-нибудь из охраны.

Тётка наконец обратила внимание на него и резко взмахнула рукой. Вся благожелательность из её вида испарилась, стоило лишним глазам и ушам их покинуть.

— Теперь-то я могу надеяться на то, что ты сподобишься мне объяснить, какого чёрта происходит?

Нет, он не собирался посвящать Алиханову в то, что грызло его изнутри и заставляло от гнева путаться мысли. Он не собирался устраивать тут исповедальню. Тем более что причин для их приезда более чем достаточно.

— Появился риск серьёзной утечки.

Карие глаза впились в него:

— Насколько серьёзной.

— Есть опасность того, что рассекретится список имён наших с Русановым информаторов.

— По делу о методах недобросовестной конкуренции?

— В том числе.

Тётка какое-то время внимательно смотрела на него, будто испытывала на прочность и заодно пыталась при помощи собственной интуиции определить, насколько правдив его куцый ответ.

Но сообразив, что он не позволит проникнуть ей дальше дозволенного, опустила взгляд и выругалась сквозь зубы.

— Как же ты позволил такому случиться? Как допустил?

Марк скрипнул зубами, приказывая себе не терять контроль. Но тётка этими вопросами была по больному.

— Ты забыла, с какими людьми мы дело имеем? Ты думаешь, они на заднице ровно сидят и ждут, когда я по их души явлюсь?

Алиханова промолчала, и он посчитал это за молчаливое признание собственной вины с её стороны.

— Они не успокоятся, пока не уничтожат всех, кто мог разболтать их секреты.

Он поколебался, прежде чем добавить:

— Я не могу рисковать.

Марк бросил взгляд на давно опустевшую лестницу, по которой его жена поднялась в своё временное пристанище в сопровождении прислуги.

Он ей не лгал. Просто всей правды не говорил. Эта правда сейчас никому не нужна.

— Это я понимаю, — Алиханова потёрла ладони друг о друга, будто внезапно озябла. — Думаешь, имя её отца непременно всплывёт?

Марк пожал плечами.

— Нечаев был одним из немногих, кто нанёс их бизнесу реальный урон, когда решился мне всё рассказать. Если список попадёт к ним в руки, им не составит труда вытащить о нём всю информацию. Это дело времени. *Ближайшего* времени, — бессовестно надавил он. — Если я с этим вопросом не разберусь.

— Даже слушать не хочу, как ты собираешься с ним разбираться, — пробормотала вдова Алиханова, отводя взгляд. — Господи, бедная девочка...

Он сцепил зубы и промолчал, не желая комментировать это спорное утверждение.

Иногда ему начинало казаться, а не плата ли это? Не плата ли это за то, что он позволил себе вообразить и размечтаться, будто акт его доброй воли перерастёт в нечто настоящее?..

Он думал, их брак и их будущий ребёнок — безусловно шаги в этом самом, правильном направлении.

Но их брак оборачивался в кабалу для обоих, а ребёнок... этот ребёнок был даже не от него!

— Она справится, — услышал он собственный голос, лишённый всяких эмоций. — Она сильнее, чем тебе кажется.

Тётка в ответ лишь тихонько фыркнула и махнула рукой, мол, много ты в женщинах понимаешь.

— В любом случае, — он собирался завершать их беседу. — Я рад, что ты согласилась помочь.

И получил, что заслуживал.

— Я оставлю её здесь только при одном условии, — вдова Алиханова вдруг посмотрела на него непоколебимо и строго.

Он уже сейчас чувствовал, что её ответ ему не понравится.

— Каком?

— Ты не будешь бросать её здесь до самых родов, Марк, — она видела его насквозь. — Ты будешь её навещать.

— Иначе? — процедил он, не желая сдаваться без боя.

— Иначе, — карие глаза мрачно сверкнули. — Я позабочусь о том, мой дорогой, чтобы ты никогда и никому больше не сумел заделать ребёнка.

Глава 10

— Александра, вы спуститесь к чаю? Медея Леонидовна спрашивает.

— Да, конечно, — я вовремя спрятала распухшее от слёз лицо в полотенце, чтобы не вызвать у прислуги лишних вопросов.

После отъезда супруга отведённое мне на отдых время я провела не очень-то продуктивно, оплакивая свою новую реальность.

Уютная комната с большими окнами, выходящими в сад, по странности, меня совершенно не радовала, а лишь сильнее подчёркивала мои мрачные мысли и отчаянность моего нового положения.

Сброшена на руки родственнице мужем, который видеть меня не желает. Который вознамерился таким образом мне отомстить под надуманным, нелепым и чудовищным предлогом.

Я ни на секунду не поверила ни в якобы надвигавшуюся опасность, ни в то, что Марк искренне верил в то, что мне наговорил. Нет, нет он надумал обвинить меня в неверности, чтобы в конце концов не мытьём, так катаньем от меня избавиться...

Он питает нежные чувства к этой своей Маргарите и просто не знает, как себя оправдать. Точнее, знает и очень даже хорошо. Иначе эта поездка не состоялась бы.

Мысли вновь закрутились по знакомой спирали, и каждый новый виток был напряжённее, опаснее и мрачнее, чем предыдущий.

Пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы вернуться в реальность.

Я врежу собственному ребёнку!

Прекрати, Александра. Немедленно прекрати!

Даже если всё так, как ты воображаешь, они не стоят твоих слёз. Никто из них.

Даже он. *Особенно* он.

Человек, спасший меня. Человек, в которого я не могла не влюбиться. Человек, подаривший мне счастье будущего материнства.

Человек, всеми своими действиями дающий понять, что отказывается и от меня, и от собственного ребёнка!

К чаю я, однако, спустилась во всеоружии. По крайней мере, я так считала.

— В беседке попью, — решила Медея и, подхватив меня под руку, направилась к стеклянным дверям, выводящим в сад с усыпанными мелким гравием дорожками.

До поры до времени она не обращала внимания или делала вид, что не обращала внимания на мою молчаливость. Отдавала распоряжения ассистировавшей нам горничной, бросала короткие замечания и погоде и с чем-то сверялась в своём телефоне, который время от времени доставала из своих шёлковых домашних брюк.

Я покорно пила свой цитрусовый чай и даже умудрялась ковыряться в воздушно нежном лимонном бисквите.

Ровно до тех пор, пока Медее Алихановой не надоело играть в тактичную хозяйку.

— И сколько это безобразие длится?

Я вздрогнула и оторвала остановившийся взгляд от своей чайной чашки.

— Простите?..

Собеседница смотрела на меня, чуть нахмурившись, будто строгая преподавательница на умудрившуюся задремать посреди урока ученицу. Но в карих глазах я не заметила ни намёка на строгость. Впрочем, мне сложно было судить. Я не так уж и хорошо знала Медею.

— Как давно вы с Марком в ссоре?

О, нет... Нет, только не это. Я не готова делиться подробностям ни с кем. Родная мать — это всё же другое. Тогда я так растерялась, что выболтала ей всё. Сейчас, когда боль от произошедшего слегка притупилась, я бы, может, и с ней уже не так откровенничала.

— Мы не... с чего вы это взяли?

Тонкие, аккуратно подведённые красным губы Медеи сложились в ироничную улыбку:

— Ну, знаешь, моя дорогая, — в притворной задумчивости протянула она. — Может, с того, что у меня есть глаза и уши. На которые я пока не жалуюсь.

От того, к каким красноречивым выражением была сказана последняя фраза, невозможно было отвертеться.

Проглоченный кусочек лимонного бисквита, кажется, стал у меня поперёк горла.

— Кхм...

— О господи... подавилась?

— Нет, — я замотала головой, отчаянно подыскивая нужные слова. — Я просто... мы ведь приехали, потому что угроза...

— Ну да, — закивала Медея. — Конечно. Исключительно и только поэтому. Мне ведь откуда своего племянника знать? То-то, смотрю, у него желваками по челюсти так и ходят. То-то, смотрю, зыркает на тебя волком. Наверняка из-за угрозы.

Краска стремительно бросилась мне в лицо, и летний день вдруг стал нестерпимо душным и жарким.

Узор, нарисованный солнцем, тянувшим свои лучи сквозь резьбу беседки, начинал расплываться перед глазами.

— Медея Лео...

— Не называй меня так, — строго оборвала Алиханова. — Для тебя я просто Медея. К тому же, с отчеством моё имя совсем не звучит.

— Медея, я не хочу...

— А ты через силу, — подхватила она. — Саша, не смей даже думать, что я оставлю без внимания выходки Марка, третирующего мать своего ребёнка.

Своего ребёнка...

Эти слова пробили брешь в моей хрупкой защите. И, выронив десертную вилку, я рыдалась.

Глава 11

— Божечки ты мой... — раздалось у меня над головой.

Хотела бы я выпрямиться, смахнуть с глаз предательские слёзы и, извинившись за минуту слабости, мужественно заявить, что со мной всё в полном порядке.

В конце концов списать всё на чувствительность беременных.

Но сил на такой подвиг в себе не нашла.

— Саша...

Я услышала, как заскрежетали по настилу ножки отодвигаемого в сторону лёгкого столика. Тоненько звякнули ложки о стенки чайных чашек. А потом меня приобняли за плечи. И граничившая с нерешительностью мягкость этих объятий плохо вязалась с образом вдовы Алихановой.

Какое-то время она даже не пыталась со мной заговорить. Видимо, понимала, что бесполезно.

Но когда мои рыдания стали чуть тише, а слёзы уже не лились рекой, попытала удачи:

— Как ты себя чувствуешь? — спросила обеспокоенно. — Как ребёнок? Может, стоит вызвать врача?

Я прерывисто вздохнула и покачала головой:

— Н-не надо. Всё... в порядке.

— Это я вижу, — сыронизировала Алиханова. — Чёрт возьми, теперь я буду тащить на себе эту вину. Заставила тебя переволноваться.

Я тут же замотала головой, поспешно утирая мокрые щёки.

— Н-нет, нет. Вы сов-вершенно ни в чём не вин-новаты... Это всё...

— Ох, только не смей всё на беременность спихивать, — опередила она меня, и я поспешно спрятала взгляд, чтобы по нему она не определила степень моей вины.

— Я ведь верно предположила? — не отставала она. — Всё дело в Марке. Просто кивни, если так.

Я знала железную хватку этой женщины. Она ни за что не отпустила бы меня, не получи свои ответы.

На мой едва заметный кивок она выругалась сквозь зубы.

— Он попросту не умеет быть бесконфликтным. Весь, весь в отца!

Я не знала своего свёкра. Его давно не было в живых. Как и свекрови. Марка воспитывали родители матери, а потом груз ответственности ненадолго достался его тётке.

Поэтому с ней я не стала бы спорить. Она наверняка лучше знала своего строптивого, мнящегося племянника.

— Изв-вините, — я хлюпнула носом и, схватив протянутую мне салфетку, прижала её к лицу. — Я не хотела...

— Прекрати извиняться, — с ворчливой заботой отозвалась Медя.

И потом уже сильно смягчившимся тоном добавила:

— Я знаю, что тебе нелегко. Я знаю, *как* тебе нелегко.

Молчу и не возражаю. Может быть, действительно знает.

— Но и муж тебе непростой достался, Александра

Знала бы она, *какон* мне достался.

Я бросила робкий взгляд на собеседницу.

Хотя, может, и это она тоже знает. Я понятия не имела, кому Марк рассказывал об обстоятельствах своей поспешной женитьбы. А он не мог не посвятить в это как минимум самых близких людей в своей жизни.

— Не думайте, что я этого н-не понимаю, — пытаюсь выровнять дыхание и безотчётно глажу живот, словно мне придаёт это сил продолжать. — Но... с ним очень сложно.

И я не могу заставить себя всё ей рассказать. Это как заново добровольно окунуться голышом в кипяток. Нет, на такие подвиги я сейчас неспособна. Поэтому ограничиваюсь полуправдой, намёком:

— Он мне не доверяет. Ни в чём.

— Ох... — срывается с её губ.

И в этом кратком звуке столько невысказанного понимания, что у меня сердце начинает щемить от боли.

— Если бы только я могла это исправить, — впервые в голосе Алихановой я слышу нотки отчаяния. — Он... многое пережил. Ты далеко не всё знаешь о собственном муже. Готова поклясться, о своём детстве он с тобой не говорил.

Смаргиваю слезинки со слипшихся ресниц. Пытаюсь припомнить.

— Н-нет. Он вообще никогда этим со мной не делился.

Боковым зрением замечаю её энергичный кивок.

— Так я и думала. Немудрено. Сам он никогда не признается, что для него вспоминать своё детство больно. Хоть он с этой болью и сросся, уже не разнимешь.

— И поэтому готов причинять боль всем вокруг, — вырвалось у меня.

Тётка вздохнула, легонько сжала моё плечо:

— Терпение, деточка. Только так эту больполучится излечить.

Я очень сомневалась в этом подходе.

— Да з-зачем мне вообще пытаться? — выдохнула я с отчаянием.

— Затем, что ты его любишь, — вынесла она приговор. — Знаю, что любишь.

Я молчала, чувствуя, как на глазах закипают новые слёзы.

— Мой совет. Не волнуйся и в голову лишнего не бери. К тому же, муж тебя здесь не бросил. Будет тебя навещать. И часто.

Я не верила ей.

Но уже через несколько дней отделившийся от меня муж стоял на пороге тёткиного дома.

Ещё более мрачный и хмурый, чем в тот день, когда привёз меня к ней.

Глава 12

— Марк Александрович, вы хотите, чтобы мы с ним побеседовали или к вам его доставить?

Он делает вид, что раздумывает. Хотя на самом деле сам давно всё решил.

А от этого вопроса костяшки на кулаках так и зазудели.

— Сюда. Ко мне. На разговор.

Ребята кивают. Это чёткий сигнал — «гостя» не трогать. Они же не бандиты какие-нибудь, в самом деле.

Им всего-то нужно поговорить.

Когда кабинет опустел, он позволил себе расслабиться и откинуться на спинку рабочего кресла, ослабив узел тугого галстука.

Он слишком долго боролся с собой. Какого-то чёрта себя уговаривал.

Но не помогло. Ни черта не помогло.

С тех пор, как увидел те хреновы бумажки, только и думал о том, чтобы встречу устроить. Что он будет делать? Как себя поведёт?

Ответа Марк по-прежнему не нашёл.

Но хоть посмотреть на этого... мать его, соседа.

И что там только за подарок такой, который она предпочла собственному мужу? Видимо, гены Коршуновых показали ей недостойными. Прибегла к помощи со стороны.

Эти мысли заставляли его заводится с такой впечатляющей быстротой, что уже спустя полторы минуты он был в шаге от того, чтобы раздолбать первое, что попадётся под руку.

Никакие уговоры отпустить ситуацию и найти мирную альтернативу своим кровожадным планам не помогли.

А раз не помогли, он будет решать вопрос как умеет. И пошло оно всё...

— Марк Александрович... — ожил селектор

— Слушаю.

— К вам Маргарита Сергеевна.

— Впусти.

Она проскользнула в его кабинет со стремительностью молнии. Потрясла в воздухе папкой с отчётами.

— Вот. Всё, как ты просил. Все необходимые медицинские заключения.

По медицинским вопросам Мещерская с её связями и знакомствами, которые тянулись на самый верх, могла добыть что угодно. Её помощь давно сделалась для него незаменимой. Потому что всегда была стопроцентно точной, полноценной и своевременной. И это не раз его выручало.

— Благодарю, — он протянул руку к папке.

Она вложила её в его ладонь и дразняще ему улыбнулась:

— Ты же знаешь, Марк, для тебя всё, что угодно.

— Не исключено, что твоя помощь снова понадобится и очень скоро, — проворчал он, заглядывая в бумаги.

Она приподняла идеально очерченные брови.

— В каком ключе?

— У тебя же наверняка отыщется парочка матёрых пластических хирургов.

— Эй, Коршунов, что за намёки?

Кажется, попал в самое сердце.

Марк хмыкнул, качнув головой.

— Никаких намёков. Просто не исключено, что в ближайшее время кое-кому лицо придётся подправить.

— Бросай говорить загадками, — надула губы Рита, подсаживаясь к нему на столешницу. Разрез на её юбке разошёлся, приглашающе обнажая крутое бедро.

— У меня намечена встреча.

— С кем?

— С тем, кому я обязан скорым прибавлением в моём семействе, — процедил он, и текст перед затянувшимся алой пеленой взглядом резко стал нечитаемым.

Поэтому на то, как застыла Рита, он внимания и не обратил.

— Зачем? — наконец спросила она. — Зачем тебе с ним встречаться?

— Поговорить.

— И что это даст? Марк, ты же сам говорил, это ниже тебя. Да на что тебе с ним встречаться? О чём говорить? Спрашивать о том, как так вышло, что он жену твою обрюхатил? Тоже мне, велика наука!

Бросив наконец бороться с собой, Марк захлопнул папку и отбросил её на угол стола.

— Твоего совета по этому вопросу я не просил. Ты и так много сделала для того, чтобы правда вышла наружу. Тест. Подтверждение теста... За это я благодарен. Остальное — забота моя.

— Мне кажется, это совершенно лишнее, — пробормотала Рита.

Он от её слов лишь отмахнулся, но, кажется, сама судьба сейчас была не на его стороне.

Потому что следующий день принёс неутешительные новости.

— Марк Александрович, мы его не можем найти.

— Что значит, не можете?

— Ну вот так. Не можем. Мужик этот как в воду канул. Пропал. Нигде его нет. И где он сейчас, никто сказать не может.

— Ищите, — приказал он, чувствуя, как внутри разгорается злость.

Что за бред? Какой-то сосед в какой-то деревне — и вдруг исчез без следа именно тогда, когда он пообщаться с будущим папашей надумал.

Марк устремил взгляд в окно своего главного офиса.

Когда реальность ему сопротивлялась, он не отступал, пока не добивался её подчинения.

Наверняка его дорогая супруга в курсе того, где пропажу искать.

Марк нажал кнопку селектора.

— Юля, отмени все мои сегодняшние встречи.

Видимо, перед тем как побеседовать с её любовником, ему всё же придётся пообщаться с женой...

Глава 13

— Что ты здесь делаешь?..

Я сидела одна в садовой беседке и до внезапного появления мужа даже наслаждалась уединением.

В окружении нежной зелени, через которую пробивались солнечные лучи, мир вокруг не казался мне таким мрачным. Тяжкие события последних дней отступили, даря время для передышки.

Но сейчас вспотевшие ладони комкали подол летнего сарафана, а по телу прокатывала дрожь. Растерявшись, я даже, позабыв о приличиях, не поздоровалась.

Хотя если уж начистоту, кому оно требовалось, моё приветствие...

Появившийся словно из ниоткуда на пороге беседки муж выглядел так, что врать я себе не могла — это не обычный визит. У этого визита конкретная цель.

— Где он?

— Он? Извини, не понимаю.

Коршунов едва слышно хмыкнул, словно давая понять, что видит мою хитрость насквозь. Я всё якобы понимаю, просто не спешу признаваться.

— То есть конструктивного диалога можно не ждать.

— Я *не понимаю*, о чём ты говоришь.

И на меня будто из ниоткуда нисходит совершенно не свойственное мне спокойствие. Мне кажется, это всё потому что я могу разглядеть под ледяным фасадом бурлящие страсти. Муж прилагает все мыслимые усилия, чтобы сдержаться. А меня его терзания словно питают. Сегодня не я трясусь от эмоций. Видимо, не мой сегодня черёд.

Поэтому медленно разжимаю судорожно сжатые пальцы и распрямляю подол.

— Не понимаешь?

— Нет. О ком мы говорим?

— О твоём хахале, — муж кивает на мой округлый живот. — Об отце твоего ребёнка.

Дожидаюсь, пока захлестнувшие меня возмущение, боль и обида немножечко схлынут и дадут мне возможность заговорить.

— Отец моего ребёнка, — выговариваю едва ли не по слогам. — Стоит сейчас передо мной и несёт какую-то чушь. Поэтому можешь считать, что твои поиски завершились.

Для меня такой ответ — за гранью дерзости. Но, возможно, я постепенно заражалась этим от вдовы Алихановой. И была за эту внезапную смелость ей благодарна.

— Я не удивлён, что ты продолжаешь гнуть свою линию, — мрачно проговорил муж. — Я знал, что под внешностью ангелочка кроется та ещё демоница. Знал это, когда впервые увидел.

Я опустила глаза, словно боялась, что его пристальный взгляд заставит меня вспоминать день нашего с ним знакомства.

Нет, этого делать не стоило.

— Хотела бы я похвастаться силой и коварностью демоницы. Ты мне льстишь.

— Нечаев вырастил дочь, которая вполне в состоянии постоять за себя, — голос Марка наполнился горечью. — Чёрт знает, на хрена я уши развесил и позволил впутать себя в этот брак...

Он и представить не мог, как глубоко угодил. Как точно, как больно и как безжалостно.

Ненавидь я его сейчас с той же силой, с которой муж ненавидел меня, и я бы отыскивала в себе силы смириться с такими словами. Но я не находила. Видимо, ненависть мне в себе только предстояло взрастить.

Но сейчас все мои силы уходили на то, чтобы взрастить наше дитя. Дитя, от которого он без пяти минут отказался.

— Так где он? — продолжал наставить муж. — Где этот твой... мужчина из прошлого? Твой чёртов жених.

Господи, как можно было быть таким слепым и таким глупым...

В памяти всплыло красивое ухмыляющееся лицо в обрамлении роскошных тёмных волос.

Можно было. И очень легко. У этой глупости и слепоты есть, к сожалению, вполне конкретное имя.

— Я ничего о нём не знаю, — покачала я головой. — И ничего о нём не слышала.

— Я не верю тебе. Ты, Александра, слишком ловкая и умелая лгунья. Очень, раз я только недавно поймал тебя на твоей бессовестной лжи.

— Я ни разу и ни в чём тебе не лгала.

Мы смотрели друг на друга — враги по разные стороны баррикад.

Коршунов усмехнулся:

— Что, и никаких требований организовать новый тест на отцовство?

— А ты на это пойдёшь?

Я смутно подозревала, кто мог стоять за «разоблачившим» меня тестом на отцовство. Марк не решился бы на него ни с того, ни с сего.

А если за этим тестом стоял некто, кто мог влиять на его результат, то как я добьюсь справедливости? Как, когда муж и не собирается идти мне навстречу?

Когда его слова звучат как приговор:

— А в этом есть смысл?

Глава 14

— По крайней мере в своей ненависти ты честен, — я сглотнула, стараясь не выдавать свою боль.

Живя под боком у вдовы Алихановой, сложно было не проникнуться её силой духа и взглядом на жизнь. Поэтому я и сама невольно пыталась перенять у неё хотя бы крупицу отваги и умения держать голову высоко, как бы жизнь тебя при этом ни гнула.

— Забавно слышать рассуждения о честности от тебя, — огрызнулся муж.

— И кто же меня «разоблачил»? — усмехнулась я горько.

— Какое это имеет значение?

— Странно слышать такой глупый вопрос от такого умного человека.

Моя очередная дерзость, из-за которой я втайне всё-таки опасалась столкнуться с неприятными последствиями, подействовала на Коршунова странно.

Он высился передо мной, словно скала, загораживая своей внушительной фигурой далеко не узкий выход, и на его лице читалось едва ли не удовольствие.

— Всего несколько дней тут провела, а уже научилась мастерски огрызаться.

Он бросил взгляд через плечо, на маячивший за деревьями тёткин дом, и задумчиво протянул:

— Видимо, мне стоит поговорить с моей дорогой родственницей. Она не очень хорошо на тебя влияет.

— Не очень хорошо для тебя, — парировала я, задрав подбородок. — И не смей выговаривать за что бы то ни было своей тётке. Она вообще не обязана была меня принимать.

Супруг рассматривал меня с едва заметной усмешкой. Видимо, находил мои попытки храбриться как минимум забавными.

— Не сметь? — густые чёрные брови приподнялись. — Такие обороты определённо в её духе. Ты надеялась ими отвлечь меня от темы нашего разговора?

От спокойного, почти вкрадчивого тона по моему телу прошла дрожь.

Такой голос... то, как он понижал его и заставлял буквально стелиться, касаясь моего слуха... Это будило во мне ненужные, опасные воспоминания.

Наша первая брачная ночь. И ночи после неё.

Господи...

Краска стыда и волнения наверняка расплескалась по моему лицу. Потому что мрачное лицо мужа приобрело вдруг озадаченное выражение.

Впору было обмахнуться чем-будь, чтобы согнать с кожи жар, но под рукой был только мой телефон и чайная кружка с розеткой недоеденного джема.

— Тебя и впрямь настолько волнует его безопасность, — пробормотал муж, изучая моё лицо.

Оказаться дальше от истины — эту нужно было ещё постараться. Откуда он брал эти дикие выводы, господи?..

— Это совершенно не так. Это не так! С Ильёй меня уже давно ничего не связывает и связывать просто не может!

В серых глазах промелькнул злой огонёк.

— То есть, хочешь сказать, если, а точнее *когда* я его отыщу, тебя не сильно будет его судьба волновать?

И с этим словами Коршунов наконец-то сдвинулся с места, шагнул в беседку и остановился буквально в полушаге от моего плетёного кресла.

Я непроизвольно втянула в себя воздух. Но играть в жертву больше не собиралась.

С такой же демонстративностью отодвинула своё кресло и выпрямилась настолько, насколько мне позволяло моё положение. Округлый живот гордо выпятился вперёд. Будто упрёк сумасшедшему будущему папаше, напридумывавшему в своей голове чёрт знает что.

К сожалению, даже сейчас, чтобы смотреть ему в лицо, мне пришлось запрокинуть голову. Нашу разницу в росте никто не отменял.

— Для чего ты это мне говоришь? — в моём голосе умудряются проскальзывать строгие нотки. — Пытаешься меня запугать?

— Я никогда не пытаюсь. Я всё делаю наверняка.

— И что же ты собираешься делать? — спрашиваю, будто вызов бросаю.

Но это неверная тактика. Пытаться взять Коршунова на слабо — глупо и недальновидно.

Я убеждаюсь в своём проигрыше, когда его лицо склоняется к моему, и он почти ласково произносит:

— Я отыщу твоего поганого жениха. Отыщу и придушу.

Не смей, Александра, показывать ему, как ты напугана. Он увидит это. Почует. И дождёт.

Поэтому делаю отчаянный рывок в самую пропасть:

— Придушишь за то, что своему бывшему жениху я оказалась дороже, чем законному мужу? А меня ты тоже собираешься наказать?

Серый взгляд пожирает меня. Не успеваю насладиться мигом триумфа.

Потому что мой муж рычит:

— Разумеется.

И его губы грубо и настойчиво сминают мои. В этом поцелуе нет ничего, ради чего люди целуются. Так муж наказывает меня за то, что я позволила себе сопротивляться.

Его губы терзают, его язык требует подчинения.

И я сдаюсь, позволяя ему себя целовать.

Оторвавшись, он прожигает меня насквозь яростным взглядом и, прежде чем покинуть беседку, грозит:

— После рождения твоего первенца, Александра, обещаю как следует постараться, чтобы следующий ребёнок был точно моим!

Глава 15

Он шагал прочь. Настолько стремительно, насколько мог, чтобы не срываться на бег. Ему жизненно важно поскорее убраться отсюда. Пока он ещё какой-нибудь жести не натворил.

А он мог. Он это умел. Жесть — это как раз по его части.

Марк выругался про себя, понимая, что проиграл себе в свою же игру.

Поцелуй горел у него на губах, выводя из себя. Как ошибка, как наказание, как издевательство.

Не стоило этого делать. Он же знал, чем всё обернётся. Он знал, как на него действует любое прикосновение к ней.

Знал, что желание скрутит в узлы, и ни о чём он какое-то время думать больше не сможет. К чертям летели и благоразумие, и обещание себе держаться подальше.

В какой ядовитый омут он добровольно себя затянул? На дворе вроде бы не средневековье, но в пору было уверовать в ведьм. Иначе объяснить её влияние на себя он пока так и не смог.

Мало баб к себе в постель перетаскал? Предостаточно.

Так какого чёрта он всё время возвращается к ней?!

Вероятно, он всё же надеялся, что с тех пор, как узнал правду, что-то изменится. Он достаточно её возненавидит. Охладеет. Поймёт, что его жена такая, как все. Как и все, кто был в его жизни. Дай им время, и они предадут. Они обязательно предадут. Они всегда предавали.

Брали то, что им от него было нужно, и пополняли ряды лжецов и предателей.

Возьмись он список составить, и пришлось бы отдельную тетрадь заводить!

Марк не удержался, и на выходе из сада остервенело потёр саднившие губы, будто надеялся стереть из памяти все следы поцелуя.

Не помогло.

Твою-то мать, под боком была роскошная Маргарита. Умелая. Опытная, готовая для него буквально на всё.

Так чего ещё ему надо?

Чего? Ничего.

Ни чего, а кого.

Марк прошагал мимо отшатнувшейся от него горничной. Видимо, его мрачный вид оставил её под большим впечатлением — до того, что она даже ойкнула, увидев его.

Жена его тоже боялась. Он её пугал, но, видимо, недостаточно, чтобы не оставлять попыток с ним пререкаться.

Из-за этого он всегда умудрялся наговорить и натворить больше, чем стоило бы.

Но эту порочную практику пора прекращать. Он больше и пальцем к ней не притронется!

Она же его ненавидит.

Он это знал. А чужой ребёнок — лишь тому доказательство.

Так она вымещает на нём свою злость от необходимости мириться с их браком.

Её папаша думал, что спасал свою дочь, но ни малейшего понятия не имел, что натворил.

Но он тоже хорош. Поверил в то, что между ними что-то возможно.

Идиота кусок...

Заслышав оклик, Марк затормозил и обернулся:

— От кого ты с такой стремительностью удираешь?

Медея спешила к нему, пересекая пространство фойе, и в её карих глазах горела хитрая искорка.

Сейчас он её почти ненавидел. За то, что тётка порой без труда читала любое его настроение.

Больно много вокруг него грамотных дам развелось.

— Не собирался тебя беспокоить, — он не стал отвечать на вопрос. — Приезжал повидаться с женой.

Алиханова усмехнулась. Ну да, наверняка решила, что он, чем чёрт не шутит, соскучился. Тут она просчиталась.

— И как? Повидался?

Губы вновь, словно в насмешку над ним, зазудели.

— Желаеть узнать подробности?

— Будто ты мне расскажешь, — фыркнула тётка. — Правда, по лёгкому румянцу на твоём мужественном лице, я могу догадаться, что встреча прошла хорошо.

Твою ма-а-а-ать...

— Я спешу, — он развернулся и пошагал к дверям. — Провожать не нужно. Я знаю, где выход.

— Не сомневаюсь, — прилетело ему насмешливое в спину, заставив скрипнуть зубами.

— А когда тебя ждать с новым визитом?

Марк схватился за ручку и рывком отворил массивную входную дверь.

— Я никого и никогда не прошу меня ждать. Навещу снова, когда посчитаю нужным. Доброго дня.

Жёстко. Он знал. Но тётке не привыкать. По части отповедей она без труда за пояс его затыкала, если он вдруг заставлял её в скверном расположении духа.

Туман в голове рассеялся только когда он вырулил на главную трассу. Ему на место пришло отрезвляющее осознание: в информативном плане разговор с женой не принёс ему *ничего*.

Зато по приезде домой ситуация стала выравниваться.

Не успел он переступить порог, как его телефон зазвонил.

— Слушаю.

— Марк Александрович, есть у нас кое-какая информация об этом Илье...

Глава 16

— Господи, Саша, что у вас там стряслось? — вдова Алиханова присаживается рядом со мной на кушетку.

И приходится отложить электронную книгу, с которой я здесь почти не расставалась. Только бы занять свои мысли хоть чем-нибудь, кроме того кошмара, в который превратилась моя жизнь.

А я-то думала, что хуже, чем перед свадьбой, моя жизнь быть уже не могла...

— Ты, бога ради, извини, что я тебя расспросами донимаю, но...

Она в нерешительности застыла, и вот теперь мне сделалось по-настоящему не по себе. Алиханова была совсем не из тех, кто теряется до того, что не умеет слова подобрать.

Благо, разговор состоялся спустя несколько дней после приезда мужа, и воспоминания о нашей последней беседе с Коршуновым слегка сгладились.

Сгладились, если не считать тот поцелуй.

— Ничего страшного, Медея Ле... Медея, — мне по-прежнему приходилось одёргивать себя и не прибавлять к её имени отчество. — Я просто пока не понимаю, что именно вы хотели спросить.

Она сцепила пальцы в замок и положила их на колени.

— Сразу скажу, что за свои методы извиняться не собираюсь.

— Методы?..

Собеседница нахмурилась, тем самым будто бы признаваясь, что открывать правду ей не очень-то и легко.

— Ты же знаешь, как сложно с твоим упрямым и твердолобым супругом отыскать общий язык. Ну, не делай такого лица, дорогая. Конечно же, знаешь. Сам он редко мне что-то рассказывает. И я добываю информацию как могу. Своими силами.

Другими словами, шпионит. И эта мысль, невзирая на всколыхнувшееся волнение, мне даже показалась забавной.

— Я... могу вас понять.

— Ну вот и отлично, — проворчала вдова Алиханова. — Тогда к делу. В свой последний визит он опять себя вёл как хамло? Только не смей прятать взгляд! Я же всё равно правду узнаю.

Я ценила грубоватую заботу этой неординарной и деятельной женщины. Но вместе с тем и понимала, что по-настоящему она никогда не сможет меня защитить. На мою беду, защитить или окончательно уничтожить меня мог только мой собственный муж.

И, уверена, эта умная женщина сама всё понимала. Но оставаться в стороне всё равно не могла.

— Он не... — я принялась ковырять пальцем уголок своей читалки. — Марк был расстроен. Он хотел выяснить у меня кое-какую информацию и был уверен, что я ею располагаю. Но это не так. Он уехал ни с чем. И разозлился.

— О... — тётка кивнула. — Пожалуй, это многое объясняет. Ну, как минимум, его эта-лонную непереносимость в тот день. Но чего бы он от тебя ни пытался добиться, кажется, он добился этого в каком-то другом месте.

Я мигом похолодела:

— Что это значит?..

— Мне доложили, что мой озверевший племянник устроил облаву в какой-то глухой деревушке неподалёку, — она наморщила лоб, пытаясь припомнить. — Название такое... вроде простое, но...

— Антоновка?.. — полузадушенно спросила я. — Он... поехал в Антоновку?

— Точно. То есть ты, видимо, в курсе?.. — но она осеклась, взглянув на меня. — Что такое? Что в этой Антоновке?

Не что, к сожалению. Кто. Коршунов отправился на мою малую родину, чтобы разыскать-таки моего бывшего жениха. Чтобы разыскать там Илью.

Зачем? Для чего, господи?

— Саша?..

Я вздрогнула, когда мою руку накрыла почти невесомая прохладная ладонь.

— Медя, пожалуйста... подайте мне мой телефон.

Видя моё состояние, Алиханова не стала настаивать на ответе и без лишних слов, сняв с зарядного, подала мне со столика мой телефон.

Длинные гудки растянулись в настоящую вечность. И когда мать наконец-то сняла трубку, всё во мне вибрировало от напряжения. Малыш внутри беспокойно заворочался, и я рассеянно водила ладонью по животу, чтобы его успокоить.

Алиханова не стала смущать меня своим близким присутствием и отошла к входных дверям, окликнул прислугу. Наверняка, рассудив по моему перепуганному виду, решила, что скоро понадобится как минимум стакан холодной воды.

— Сашенька, что такое? Уже началось?

— Что? Нет. Нет, я не рожаю. Что *у вас* там стряслось?

— А... ты об этом, — голос матери до того резко упал, что у меня дыхание перехватило.

Она уже знала. Значит, облава выдалась громкой... Господи, Марк, да что ж ты творишь?..

— Я думала, тебе-то уже доложили.

— Мам, ты слишком переоцениваешь мою роль в жизни мужа. Он не стал бы...

— Да он бы сейчас и не смог.

— То есть?.. Извини, не понимаю...

Мать прочистила горло:

— Саш... ты только, пожалуйста, не волнуйся. Пожалуйста! Хорошо? На твоего мужа напали. И... и я не знаю, где он и что с ним сейчас.

Глава 17

— Марк, послушай меня, ты зря в это впутываешься.

Рита сидела на подлокотнике обтянутого глянцевої кожей широченного кресла и качала в воздухе босой стройной ногой.

Она примчалась с какого-то досрочно завершившегося сверхважного совещания и уже на пороге томно прижалась к нему, мурлыча на ухо всякие непристойности.

Ни одно из соблазнительных обещаний не смогло его завести или даже настолько увлечь, чтобы дать себе время подумать.

Марк списывал это на сосредоточенность перед задачей. На уме у него сейчас было всё что угодно, только не секс.

«Только не секс или только не секс с Маргаритой?», — хмыкнул кто-то язвительный у него в голове.

Он оставил этот вопрос без ответа.

— Не припомню, чтобы просил твоего благословения, — проворчал он, шаря по выдвижным ящикам кабинетного стола.

У него не было времени на раскаяния и извинения за то, что вместо обещавших тридцать три удовольствия постельных утех он взялся за срочные сборы, о которых даже ничего путного ей не сообщил.

— Да я просто пытаюсь понять, зачем тебе это! К тому же... — Рита бросила задумчивый взгляд в скрывавшееся за тюлем окно. — ...вечереет уже. Ты что на ночь глядя поедешь?

— А какую ты в этом-то усмотрела проблему? — хмыкнул он и невольно тоже скосил взгляд на окно. Срочность этого дела от времени дня никак не зависит.

— Ладно. Хорошо, — смирилась она, — но... но я действительно не понимаю, зачем?

— Затем, что мне нужно понять.

— Понять что? Почему твоя жена решила разбавить брачные обязательства кем-нибудь, кто ей ближе? — усмехнулась она. — А разве для этого нужно выискивать милого её сердцу дружка детства и вытрясать всю правду из бедного паренька?

Марк скрипнул зубами от такой характеристики.

Что, его беда ещё и в том, что он по типуажу ей не подходил? Не приглянулся? Может, ей сублильные юноши нравились с тонкими профилями поэтов? Если так, то уж тут придётся перед мышкой покаяться. Тут вина точно за ним — стоит только в зеркало посмотреться.

От приступа злости он едва не выдернул несчастный ящик стола из жалобно скрипнувших креплений.

— Рита, всё это — не твоего ума дело. Я не собираюсь посвящать тебя в свои планы или спрашивать твоего совета. За помощь я всегда тебе благодарен, но не пытайся откусить больше, чем сможешь прожевать.

— Как... сурово.

— Ты сама напросилась.

— Так ведь и ты не спешишь мне всего объяснять! — напускное спокойствие наконец оставило её, и она соскочила с подлокотника.

На красивом лице читалась досада.

Ну да, он ведь посмел отвергнуть её многочисленные предложения. Мартовскую кошку не удовлетворили, и теперь она готовилась выпускать коготки.

— А что я *должен* тебе объяснять?

— Да, например, почему ты в неё так вцепился! Ты женился на ней. Ты её спас. Хорошо. Прекрасно. Ты сдержал данное её отцу слово. Всё! Ты ей ничем не обязан!

Гнев, вызванный этими опрометчивыми словами, вспыхнул и тут же погас, не успев как следует разгореться. Не имело смысла лезть в объяснения. Но против правды он тоже идти не собирался.

— Ты знаешь, что это не так.

Маргарита вздохнула:

— Ладно. Да. Она спасла тебя первой. Ты это хочешь сказать?

— Она могла ничего не говорить. Могла ни о чём не предупреждать. Оставить всю информацию при себе. Но предупредила. И спасла мне тем самым жизнь. Я ей должен.

— И ты отдал ей долг. Ты тоже спас ей жизнь!

— Пока нет. Люди, которые охотятся на неё и ставят палки в колёса мне, до сих пор на свободе. А это значит, что о безопасности говорить пока рано.

— Хорошо, педантичный ты мой, — скорчила гримаску Рита. — Ну а при чём тогда этот... этот Илья?

Марк с треском задвинул ящик на место, уже ясно отдавая отчёт себе в том, что в ближайшее время они с Маргаритой вряд ли увидятся. Из приятного времяпрепровождения их встречи превращались в допросы и склоки. Ему этого добра и без неё хватало. За ссоры и склоки добросовестно отвечала его жена.

— Мне важно узнать все подробности их связи. Раз уж она так охотно под него легла после свадьбы. Раз ребёнка от него нагуляла.

— Господи, и какие выводы ты из этого надеешься сделать?

Определить границы верности женщины, жившей под его крышей. Измена ведь может распознаться далеко за границы постели.

Но вслух он этого не произнёс.

В последний раз окинул свою любовницу взглядом и бросил ей на прощание:

— Не лезь в это, Рита. Езжай к себе. Я позже тебя наберу.

Глава 18

— Не думаю, что это правильное решение...

Тётка Марка кусает свои узкие губы, и они искусаны уже до того, что стали малиновыми. Я никогда не видела её в таком состоянии.

— Медея, пожалуйста! Вы не можете оставлять меня здесь, когда мой... мой... Я должна знать, что с ним всё в порядке!

От отчаяния и нервозности мои мысли бессовестно путаются, а язык заплетается.

Но то, что я споткнулась на фразе «мой муж», вовсе не следствие этой самой нервозности.

Всё потому, что я до сих пор не могла называть Мрака своим. Коршунов — дикий зверь, его невозможно ни поймать, ни захватить, ни получить. Его никак не присвоишь.

Этот человек всю свою жизнь жил сам по себе. И тут ничего и никогда не изменится.

Никому в жизни и никогда он не станет доверять до такой степени, чтобы спиной повернуться.

И уж тем более, если речь заходит о женщине.

И уж тем более, если речь зайдёт о жене.

Разве что он разведётся со мной и женится на другой.

На своей драгоценной «советнице» Маргарите.

И ведь она наверняка уже там, хлопочет у его постели. Она, а не я! Не его законная пока что супруга!

Эти мысли придали мне сил, и я даже кулаки сжала, готовясь отстаивать свои права до конца.

— Медея, мы просто тратим время впустую, пока препираемся. Пожалуйста, возьмите меня с собой! Я обязана быть со своим мужем!

Вдова Алиханова с откровенным сомнением взглянула на мой круглый живот, и от обжёгшей меня досады я едва вслух не застонала.

— Ну что вы хотите? Чтобы я вам поклялась? Пообещала, что не разрожусь прямо у мужа в палате? Мне ещё рано рожать!

Медея сглотнула.

— Но мы не знаем, как он... Саша, а если он выглядит так, что ты разволнуешься и...

Я заставила её замолчать, отчаянно замотав головой.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Я на самом деле сильнее, чем кажусь.

Моя последняя фраза неожиданно заставила её усмехнуться:

— Не так давно твой муж сказал мне почти то же самое.

Но я старалась не зря — уже спустя самый долгий час в моей жизни мы в сопровождении охраны и перепуганного помощника Марка добрались до палаты.

На этом наши испытания, конечно, закончиться не могли.

Нас ещё по пути предупредили, что попасть туда будет не так уж легко. Даже нам.

— Он сейчас без сознания.

— Б-без сознания... Почему? Почему он без сознания? Он в к-коме?... — бормотала я, едва сдерживаясь от того, чтобы не схватить встретившего нас в коридоре врача за грудки и не вытрясти из него всю информацию.

— Нет, он не в коме.

— Тогда дайте мне, бога ради, хотя бы на него посмотреть!

Я чувствовала сжимающую моё плечо руку Медеи, но уже плохо могла себя контролировать. Выпущенная на волю фантазия рисовала картины одну хуже другой.

— Пожалуйста, успокойтесь. Он потерял много крови...

— А я потеряю ребёнка, если буду так волноваться! — рявкнула я. — Я только взгляну на него и сразу выйду. Пожалуйста!

Тут в бой вступила вдова Алиханова, принявшаяся что-то втолковывать неприступному эскулапу. Но спустя пару мгновений из палаты высунулась голова медсестры:

— Вадим Дмитриевич, пациент очнулся. Зайдите.

И спустя несколько растянувшихся в вечность минут меня пощадили. Показавшийся из дверей палаты Вадим Дмитриевич припечатал:

— Он слишком слаб. Не больше пяти минут.

Толпившаяся у дверей палаты охрана помогла нам с Медеей войти, и я будто погрузилась в иную реальность.

В реальность, где, возможно, единственный в моей жизни человек, который мог уберечь меня от смертельной опасности, сейчас сам боролся за жизнь.

Тётка не стала долго задерживаться в палате. Окинула сухим взглядом постель племянника и подключённые к нему аппараты, приподняла острый подбородок, будто повинуюсь внутреннему приказу держать лицо, и шепнула:

— Жду снаружи. Поговорю с доктором. Если понадобится — зови.

— Хорошо, — кивнула я, хотя едва соображала, что она мне говорит.

Сил мне хватило только, чтобы приблизиться и заглянуть в смертельно бледное, заострившееся лицо.

— Господи... — шепнула я и опустила в пол заслезившийся взгляд.

— Он... тебе в... вряд ли... поможет, — донеслось до меня.

Я встрепенулась и ухватила за край постели:

— Марк? Марк, ты...

— Ухо... ди, — шепнул он, не поднимая век.

— Ч-что?

— У... хо... ди.

Он бредит? Он и в бреду меня от себя гонит?

— Я же только вошла...

— Вон.

— Вон?... — меня бросило в жар. — Д-да почему?!

— Видел... же-ниха твоего... Ска... зал, ре... бёнок... от него.

Глава 19

— Нет. Нет, оставьте. Мне нужно...

Но никто и слушать не стал.

Из палаты меня буквально выволокли по белы ручки.

У Марка, кажется, на этот наш короткий диалог ушли остатки сил. Его сердечный ритм до опасного участился, заставляя реагировать подключённые к нему аппараты. На их беспокойные сигналы примчался персонал, и меня, ошарашенную услышанным, со всеми предосторожностями увели.

Потом я помнила лишь встревоженные, бледные лица. Кто-то мне пригрозил, что во избежание всяких волнений меня вообще туда больше не пустят, потому что забеспокоились разом и за Марка, и за меня, и за ребёнка.

Ребёнка, которого Илья назвал своим...

Назвал своим!

Нет.

Нет, нет, нет!

Это просто *не может* быть правдой!

От потери крови, слабости и наверняка поднявшейся температуры у Марка просто начался бред. В его голове всё перепуталось. Вот он придёт в себя, лихорадка отступит, и всё станет понятно.

А до тех пор мне жизненно важно собраться с силами и успокоиться.

Не ради себя. Ради нашего малыша.

Поэтому я не сопротивляюсь. Я позволяю себя увести. Я послушно пью какую-то жидкость. Я позволяю докторам меня опросить, осмотреть и удостовериться, что со мной всё в порядке.

Только после этого нас отпускают.

Обеспокоенной Медее я вру, что ничего путного муж не успел мне сказать.

Мне нужно время, чтобы прийти в себя и хоть как-то уложить в своей голове безумную ситуацию.

Но даже этого мне не позволяют.

Потому что спустя четверть часа мы оказываемся в малом конференц-зале административного корпуса, который руководство больницы со всей щедростью отвело для бизнес-партнёра и близкого друга Коршунова — Михаила Русанова.

Мы сидели втроём за длинным столом, и наш разговор потревожили всего однажды — один их охранников принёс травяной чай для меня и что-то, очевидно, куда как покрепче для Русанова и Медее.

— Саша, я очень рад вас видеть, — Русанов приобнял меня и помог усесться за стол. — Хотя, конечно, предпочёл бы увидеться с вами при куда более радостных обстоятельствах.

Да уж, наша первая встреча тоже была не из приятных. Меня тогда знатно трусило, и зуб на зуб от страха не попадал. Но если бы не Русанов с Коршуновым, если бы не их протекция, нас с отцом давно бы не было в живых.

— Я тоже, — пробормотала я.

— Миша, надеюсь, вы нас не без повода сюда пригласили? — Медее держалась с исключительной стойкостью. Её волнение выдавало лишь то, с какой быстротой она подхватила с разноса свой бокал с янтарной жидкостью и пригубила.

— Я бы не уехал отсюда, не объяснив вам всех обстоятельств.

И до моего заторможенного мозга только сейчас это дошло.

— Вы... были с ним? Вы знаете, что произошло?

Русанов кивнул.

— В Антоновку он отправился без меня, но я оттуда его вывозил. И я доставил в больницу. Не думаю, что подробности так уж важны, но Марк ехал туда по каким-то личным делам, а когда возвращался... В общем, он и его люди попали в засаду.

— Господи... — выдохнула Алиханова и снова припала к стакану. — Что за сводки из «Бандитского Петербурга»? Напали? Вот так, средь бела дня? В это просто не верится...

Вместо ответа Русанов посмотрел на меня:

— Саша, в последнее время... вы, надеюсь, никаких угроз не получали?

Кроме угроз от собственного мужа?

— Н-нет...

— Это из-за утечки? — сверкнула глазами Медея.

— Какой утечки? — встрепелась я, и она поспешно накрыла мою ладонь своей, легонько похлопала.

— Душа моя, не волнуйся. Это... Марк обещал со всем разобраться.

Я устала в свою почти не початую кружку.

Так, выходит, Марк ничего не придумывал, когда говорил, что угроза всё-таки существует...

На миг эта новость даже затмила то, что совсем недавно случилось в палате.

Застарелые страхи снова выползли из своих тёмных щелей и показали свои до сих пор острые зубы.

— Уверен, Марк сдержал бы своё слово, если бы не оказался в больничной палате, — с горечью отозвался Русанов. — Сейчас я в ответе за вас и нашу общую безопасность.

И он, конечно, был прав.

Но вот ответы на вопросы о том, что произошло и в Антоновке, и на выезде из неё, я могла получить только от мужа.

И я сделаю это в ближайшее время.

Вот только никто не обещал, что это будет легко.

Когда через несколько дней я вернулась сюда, у постели супруга меня уже поджидала его верная «сиделка»...

Дорогие друзья,

в ожидании новой главы приглашаю в мою завершённую историю.

На днях вышла последняя глава моей книги *«Измена. Мы больше не семья»*.

Читать: <https://litnet.com/shrt/u8P8>

Глава 20

— Без охраны не смей даже в уборную отходить! — наставляет меня вдова Алиханова и сверлит обеспокоенным взглядом, пока я не сдаюсь и не киваю, обещая везде и во всём придерживаться строжайших мер безопасности.

— Я полагаюсь на твоё честное слово, — давит она. — Иначе Марк с меня шкуру сдерёт и не посмотрит на возраст.

Мне очень хочется фыркнуть и закатить подрабочий глаза. Потому что сейчас тётка Марка озвучила величайшее заблуждение в истории заблуждений.

Да его лучший друг сейчас больше пёкса о моей безопасности, чем мой супруг. И с таким положением дел я пока что мирилась. Но если окажется, что его ненависть ко мне зашла, достаточно далеко и он действительно пренебрежёт нашей с малышом безопасностью, нам в его жизни делать нечего. В таком случае я одинаково рискую везде. Так для чего мне рисковать, продолжая страдать в несчастливом и обречённом браке?..

— Передай ему, что я завтра приеду, — ворчливо напоминает Медея. — И объясни, что я тебя отпускаю одну, потому что ты меня вынуждаешь.

Я заставляю себя улыбнуться и пожимаю её невесомую руку.

— Ну простите мне, пожалуйста, мою настойчивость. Но мне нужно поговорить с мужем наедине. Очень, очень нужно!

Мне нужно понять, какой горячечный бред он нёс. Когда мы виделись с ним в тот страшный вечер, когда его с ранениями Русанов примчал в больницу.

— Телефон заряжен и при тебе?

Я похлопала по кармашку своего просторного джинсового сарафана.

— Позвони, когда тебя в отделение пустят.

И я честно следовала всем инструкциям Алихановой. Ровно до тех пор, пока меня не пропустили в уютный крохотный коридорчик, из которого двери вели только наружу и в VIP-палату. Я оставила свою многочисленную охрану за дверьми и только здесь позволила себе пару минут на передышку, чтобы собраться с мыслями и встретиться лицом к лицу с медленно, но верно шедшим на поправку супругом.

Я пригладила чуть растрепавшиеся волосы и, потеряв успевшую затечь поясницу, сделала пару шажков, уже готовясь схватиться за ручку.

Словно угадав мои намерения, дверь в палату медленно отворилась.

Выпуская в коридорчик затянутую в воздушный кремовый летний костюм Маргариту Мещерскую. Любовницу моего мужа.

Меня обдало ароматом ярких духов с нотками мяты и цитруса.

— О... — полные губы слегка округлились, когда её взгляд упал на меня.

Я вспыхнула — от неожиданности и запоздалого гнева. Здраваться с ней, конечно, и не подумала.

— Пропустите, — пробормотала и хотела прошмыгнуть мимо неё.

Но Маргарита, куда более грациозная и ловкая по сравнению с нынешней мной захлопнула за собой дверь и едва ли не приказным тоном ответила:

— Не так быстро.

Свой ступор я могла оправдать только шоком. Я попросту не ожидала, что она так нагло себя поведёт.

— Простите?..

— О, это исключительно мило, — с насквозь фальшивым умилением протянула Маргарита, приваливаясь спиной к закрытой двери. — Так ты приехала мужа своего навестить?

— Отойдите, пожалуйста, от двери, — я старалась не встречаться с ней взглядом и смотрела чётко перед собой. — Или я позову охрану.

— Смотри-ка, — хмыкнула брюнетка, совершенно не впечатлённая моей угрозой, — а распоряжаться ты уже научилась. Ещё вчера у тебя ни кола, ни двора, а сегодня приказы раздавать готова.

— П-при чём здесь это?

— Ну как же при чём? У тебя разве прежде кто-то был в подчинении? Кем ты там раньше работала? Чужие квартиры мыла? Полы протирала? А сейчас всё это за тебя целая армия делает. Уж как тут головушке не закружиться.

Она окинула меня пренебрежительным взглядом и протянула:

— Хотя, конечно, я понима-а-аю. Самого Коршунова в мужа получила. От такого у любой замухрышки самомнение подлетит до небес.

— Я предупреждаю...

— Твой муж отдыхает, — тоном строгой учительницы оборвала она. — Спит, понимаешь? Сил набирается. А они ему понадобятся для беседы с тобой.

На секунду забыв о шокирующе наглom поведении Маргариты, я прониклась зло брошенной фразой.

Должно быть, он обсуждал с этой своей Мещерской наш будущий разговор. И от одной только вероятности этого мне становилось до дрожи противно и... страшно. Что конкретно они могли обсуждать?

— Что тебе может быть известно о нашей беседе? — не сдержалась я, обмирая.

— О-о-о... больше, чем ты можешь подумать, — гадко ухмыльнулась Мещерская.

Глава 21

— Он... он что, наш разговор *с тобой* обсуждал?

Кажется, Маргариту задело то, как я выделила это короткое слово. Потому что её лицо перекошилось от злости. Которую она до сих пор и не слишком-то успешно пыталась скрыть за своей агрессивной реакцией на моё появление.

— А что, у *госпожи Коршуновой* на этот счёт имеются каике-то возражения или сомнения? — прошипела она, давя на меня своим ростом. — Ты хоть понимаешь, *кто*я вообще для него?

— Я видела, — пусть голос мой и дрожал, но я тоже огрызаться умела.

Другое дело, что тягаться с Мещерской было заведомо провальной задачей. Она таких, как я, на завтрак пригоршнями съедала.

— То, что ты видела — верхушка громадного айсберга, — усмехнулась она, явно довольная моей неосведомлённостью. — Мы с Марком, можно сказать, друзья детства. Очень близкие, как видишь, друзья.

От её мечтательной улыбки меня заворотило.

— К сожалению, обязательства вынудили его на тебе жениться, но наша дружба и не такое переживала.

Она вдруг склонилась ко мне и почти доверительно прошептала:

— И тебя переживёт. Вот увидишь.

Не имело смысла с ней говорить. Мне её настрой был понятен — поглумиться и поиздеваться.

— Пропустите меня, пожалуйста, к мужу.

— Думаешь, он жаждет увидеться?

— Это не ваше дело.

— Моё! — в мелодичном голосе зазвенела сталь. — Ты, маленькая безголовая идиотка, едва его не сгубила! Он ничем тебе не обязан! Вы квиты! Отстань от него!

Под напором такой неприкрытой злости я растерялась, не соображая, на какую фразу отреагировать.

Видно было, что Мещерская уже очень давно вынашивала в себе эту злость и только сейчас получила шанс излить её на меня.

— Вы что-то путаете.

— Да неужели? — манящие губы скривились. — Хочешь сказать, он ни за что год назад пулю в плечо получил? Не тебя ли, сокровище, прикрывал? Может, я что-то путаю? Так ты меня, поправь, если что!

Я молчала. Я не могла ничего возразить против правды. Да, Коршунов закрыл меня собой во время первого покушения. Пуля прошла по касательной, слава богу, но факт оставался фактом. Если бы он меня не закрыл, мне она прилетела бы прямо в висок.

— Молчишь, — хмыкнула Маргарита. — Правильно делаешь. Неправильно то, что ты отлипнуть от своего спасителя никак не можешь. Продолжаешь у него под боком торчать. Как будто мало он из-за тебя настрадался!

— Настрадался? — вспыхнула я, окончательно наплевав на инстинкт самосохранения. — Это он настрадался? Хватит мученика из него лепить! Да, он меня спас, и я навсегда буду ему за это благодарна, но не он один рисковал! Если бы я не уговорила отца вовремя всё Коршунову рассказать, тебе бы не к кому было сейчас в постель залезать!

Я вся ходуном ходила от гнева и волнения. Но вместе с тем на меня накатило ощущение странной лёгкости, почти эйфории. Я выговорила. Хотя и немножко, но выговорила.

Нелегко было в себе всё это таскать. Да к тому же у меня никогда и мысли не возникало носиться со своими заслугами, как с писаной торбой. Но и задвигать себя в угол, перевирая случившееся, я не позволю.

Мещерская смотрела на меня, сверкала глазами, но с достойным ответом, как ни странно, не сразу нашлась.

— Про постель ты верно упомянула, — наконец отозвалась она, решив зайти с другой стороны. — И хорошо, что помнишь, кто именно ему постель согревает. И с кем он своими мыслями делится. Надеюсь, ты как можно скорее поймёшь, кто тут жена, а кто так... подбранная из жалости. Поэтому пока что прошу по-хорошему. Отпусти его. Он даст тебе денег. Сколько захочешь. Сними себе какой-нибудь домишко где-нибудь в глухомани. Роды там своего бастарда и живи в своё довольствие. Только нам не мешай.

Дело было не в том, что я сама думала о таком варианте. Дело было в её святой уверенности, будто она может такое мне говорить.

Поэтому я не стала её поправлять. Я поставила её на место.

— Благодарю за совет, — процедила я в тон. — Но поберегите его для себя. Я у вас его не просила.

И сегодня удача всё-таки была на моей стороне. Потому что Мещерской сама судьба не дала нанести ответный удар.

Дверь, к которой эта змея прижималась, неожиданно отворилась, вынуждая её отступить.

— Александра? — из дверей палаты высунулась голова настоящей сиделки. — Марк Александрович услышал ваш голос. Просит зайти.

Глава 22

— Оставьте нас наедине, — прохрипел он, с досадой осознавая, что голос до сих пор слышится ему не слишком-то хорошо. — Пожалуйста.

Сиделка поколебалась всего пару мгновений, но потом всё-таки поднялась из своего кресла и, без надобности напомнив ему о кнопке вызова, покинула палату, оставив его наедине с посетительницей.

— Медея просила передать, что желает тебе скорейшего выздоровления.

Жена застыла у дверей палаты, не решаясь приблизиться.

Было бы у него больше силы воли, он не стал бы вообще смотреть на неё.

Но он ни черта сейчас с собой поделать не мог. Жрал её глазами, будто впервые видел.

В голове засела с головой выдававшая его мысль — ей шла беременность. В этом простом джинсовом сарафане и собранными в простую косу русыми волосами она вся словно светилась.

Марк на секунду прикрыл свинцовые веки, пытаясь как-то одолеть свою слабость.

Его спасением стали недавние воспоминания.

Он помнил лицо этого её деревенского хахалы. Ильи.

Этот хлюпик весь дрожал и трусился, но сказать ему правду в глаза не побоялся.

— Да, — задрал он свой острый подбородок. — Это мой ребёнок. Ну т-так и что с того? Убьёте меня теперь?

Он хотел. В тот момент он очень хотел ответить на его вопрос утвердительно.

Ответить не словом, а делом.

Но — твою-то мать! — не смог.

Потому что всё, о чём тогда думал, это её шок от новостей. И её ненависть. Пусть временами ему и казалось, что лучше уж ненависть, чем полное безразличие...

— Она решила тебя отрядить... вместо того, чтобы самой явиться?

Он сказал это без злобы и без претензии. Их с тёткой всегда связывала вот такая, грубоватая привязанность, не на показ. Кажется, исключительно потому, что оба они не терпели открытого проявления чувств.

Но Русанов ему говорил, в каком состоянии его тётка примчалась в больницу в тот вечер, когда его сюда привезли.

И тётка, и его беременная жена.

Расскажам о состоянии тётки он, может быть, и поверил. Но жена...

Его друг немного напутал. Она не за него испугалась.

Если бы он не выкарабкался, она осталась бы с опасностью один на один. Ну, разве что, Русанов предложил бы ей свою помощь. Но одно дело совершенно посторонний ей человек, и совсем другое — законный супруг.

И Александра наверняка хорошо это понимала.

Она и сейчас напугана.

Наверняка опасается, что после тех слов, которые он успел ей сказать, прежде чем её вывели из палаты, он её бросит. Оставит её без защиты.

Дурочка.

— Медея навестит тебя завтра. А сегодня не приехала, потому что я её попросила.

Он нахмурился.

Это ещё как понимать?

— Я хотела с тобой поговорить. Наедине.

— Инициатива, — пробормотал он, силясь пристать на подушках. — Похвально...

Она сделала шаг вперёд, наверняка рефлекторно, чтобы помочь. Но он мотнул головой, отказываясь от помощи.

Она поколебалась, но всё же спросила:
— Мы же сможем поговорить?.. Доктора...
— Безусловно, — процедил он сквозь зубы, пережидая вспыхнувшую от движения боль.
— Пули вынули, кровью я не истёк. Значит, сможем поговорить.
Возражений от неё не последовало.
— Мне сказали, восстановление будет долгим.
— Мне тоже это сказали.
— Михаил рассказал нам о засаде, — в большущих глазах впервые открыто сверкнула тревога. — Это ведь... те самые люди. Это они, верно? Те, что папу...
Она слотнула, и фраза осталась незавершённой.
Марк выругался про себя, чувствуя, как его разрывает на части от скорбного выражения на её лице.
Твою мать, даже сейчас он ничего не мог поделать с собой. Ненавидеть её не получалось.
— Исполнители. Но да, заказчик известен.
— Что теперь будет?
— Мы готовим ответ. Русанов обо всём позаботится.
Она какое-то время молчит, а потом:
— Этого не случилось бы, если бы ты в Антоновку не поехал.
Он скрипнул зубами, но приказал себе не гнать лошадей.
— Это случилось бы так или иначе. Не на выезде из Антоновки, так где-то ещё.
Ну давай же. Не ходи вокруг да около. Спроси, жив ли ещё твой ненаглядный.
Она присаживается на стул у стены и переводит дыхание. Собирается с силами.
— Ты... поехал Илью допросить?
Он следил за ней из-под тяжелеющих век, желая прямо здесь и сейчас научиться читать её чёртовы мысли.
— Думаю, ты уже догадалась, — прохрипел он наконец. — Поехал. И допросил. И получил все ответы.

*Дорогие друзья, пока вы ждёте новую главу, приглашаю вас в свою новинку
«Измена. Спаси нашу семью»*

Читать: <https://litnet.com/shrt/u8ln>

— Твоё дело — молчать и слушаться! — бросает муж. — Мой дом — мои правила.
— А изменять жене тоже в твои правила входит? — слёзы унижения застилают глаза.
Тяжёлая челюсть вмиг каменеет:
— Советую привыкать.
В мужья мне достался непростой человек. Властный и жёсткий, для которого, как оказалось, брак не исключает измен.
Но ведь он спас меня. Меня и моего маленького сына.
И я наивно поверила в то, что мы можем быть счастливы вместе...

- властный и brutальный герой
- нежная, но стойкая героиня
- наглая любовница
- сильные эмоции
- ХЭ

Глава 23

— Допросил? — отозвалась я слабым голосом. — Как это понимать?

От Ильи я с тех пор ничего и не слышала, но у меня и номера-то его не было. В последнюю нашу встречу — сумбурную и короткую — я была слишком взволнована.

— Что, тебя так сильно пугает формулировка? — хмыкает муж, но я вижу, что ему совсем не весело.

Лицо бледное, скулы заострились, а под глазами залегли глубокие тени. От этого густая шевелюра и короткая борода выглядели сейчас чернее ночи.

— Меня сейчас всё пугает, — признаюсь чистосердечно.

Всё-таки я ещё надеюсь, что в нём осталась хоть капелька человечности и он не будет держать меня в неведении.

Даже отсюда вижу, как он стискивает зубы, смотрит куда-то мимо меня:

— Тебя никто не тронет. Никто из готовивших это идиотское покушение до тебя не доберётся. Ты поняла?

Сглатываю и киваю. Его голос звучит смертельно серьёзно, и я ему верю.

— Этот твой... Илья, — продолжил он, и я задержала дыхание. — Можешь за него не труситься. Ничего я не сделал твоему жениху.

— Он мне не жених. Хватит его так называть!

Коршунов усмехается, но это не усмешка даже, а так, её отголосок.

— Слышал бы он тебя... Наверняка бы обиделся.

— Мы с Ильёй с детства знакомы. Мы в одном классе учились. Мы... мы и встречались-то — всего ничего!

— Ты зря тратишь время, — мощная грудная клетка под тонким одеялом поднялась и опустилась. — Зря тратишь время на пустые оправдания. Твой *нежених* всё подтвердил.

Нет, всё-таки это был не горячечный бред. Мой муж повторял свою прежнюю ересь.

— Марк, он не мог ничего подтвердить. Он не мог!

И снова усмешка.

— Он сказал мне это в глаза, — вытолкнул Коршунов сквозь стиснутые зубы. — Он не испугался ни угроз, ни своего туманного будущего. Ты слышишь меня? Он сказал, что ребёнок, которого ты носишь, — его! Этот ребёнок — его!

Я растерялась. Ни поверить в сказанное, ни принять его не могла.

Вывод из этого я только один. Невозможный, необъяснимый, но единственно верный вывод.

— Он солгал.

— Что?

— Он солгал! И это легко доказать. Марк, доказать мою правоту легче лёгкого!

Муж сверлил меня ненавидящим взглядом, но не спешил ничего говорить.

Неужели каким-то чудом я заставила его задуматься об альтернативе?..

А задуматься он мог в единственном случае — если действительно хотел знать правду. Если его цель — не избавиться от меня под удобным предлогом.

— Новый тест? — процедил он.

Я кивнула.

— Твоё предложение? — мрачно осведомился он, морщась

Очевидно, действие болеутоляющих начинало ослабевать.

— Независимая экспертиза. О которой будем знать только ты и я. Стопроцентно нейтральное учреждение. С нулевой заинтересованностью в результате. Уверена, такие клиники ещё существуют.

Мою мрачную иронию он оценил.

— Кого попросим нам её отыскать? — скривил он губы.

— Выбери сам, — делаю я шагок в пропасть. — Мне достаточно того, что я знаю правду.

А твой выбор клиники и результат теста даст мне понять, чего ты действительно ищешь — истины или всего лишь оправдания для своего жестокого обращения.

И, кажется, мой манёвр сработал.

Муж не стал отмахиваться от меня и опять заявлять, что всю правду он уже знает.

— Дай мне несколько дней.

Это всё, что он мне сказал.

Но покидая его палату, я почувствовала, что победила.

Но моя радость оказалась очень недолгой...

Глава 24

— Может быть, чашечку чая?

В тот вечер Медея уехала к Марку, оставив меня ненадолго одну. А я уже привычно отдыхала и даже немного радовалась тому, что на пару часов могла полностью, стопроцентно расслабиться.

Ничего ни перед кем не изображать. Никому ничего не доказывать. Не строить из себя сильную.

Я полулежала на кушетке в комнате отдыха на втором этаже, освещённой мягким светом настенных бра. Вокруг стояла тишина, и я воображала, что осталась совершенно одна в этом громадном особняке.

Но едва слышный женский голос у меня за спиной разрушил эту иллюзию.

Я не стала оборачиваться, а только прислонила к животу книгу, которую читала.

— Нет, спасибо. Я дождусь Медею, и мы поужинаем. Не хочу аппетит перебивать.

— А что если не дождёшься? — последовал неожиданный вопрос.

Я не успела развернуться, чтобы рассмотреть говорившую.

Потому что настенные бра, словно по команде, погасли.

Страх пронзил меня с головы до пят и тревожно отозвался внизу живота. Меня мгновенно бросило в пот от такой стремительной реакции тела.

— Электричество отключили?.. — дрожащим голосом пробормотала я. — Что происходит?

— Неожиданный, но очень важный визит, — прошелестела темнота.

И от этого голоса на грани шёпота мне с каждой секундой делалось всё жутче.

— Кто вы?

— Это не важно. Мы вряд ли знакомы.

Я успела обернуться, чтобы на фоне открытой двери в освещённый коридор заметить женский силуэт, по которому можно было судить, что незнакомка носит форму прислуги.

Я силилась вспомнить, попадались ли мне сегодня на глаза девушки-горничные, которых я здесь до сих пор не встречала, но никого конкретно припомнить так и не смогла.

— Что это за б-безобразие? Верните освещение, пожалуйста!

— Ну, не для того же я его отключала, — усмехнулась темнота.

— Предупреждаю, я закричу!

— Кричите. Поблизости нет никого. Я убедилась.

Я меж тем сползла с кушетки, кое-как сунула ноги в домашние тапочки и теперь пыталась сориентироваться так, чтобы поскорее добраться до выхода, по пути ни на что не налетев. Зрение досадно медленно привыкало к густым сумеркам комнаты.

— Н-не понимаю, что за цирк вы тут устроили, — мой голос начинал срываться. — Но мне придётся с-сообщить о вашем поведении хозяйке.

— Хозяйке? — хмыкнула темнота.

— Медее!

Темнота издевательски хихикнула.

— Во-первых, она мне не хозяйка. Моего нанимателя зовут иначе. Во-вторых, ты уже ничего никому сообщить не успеешь. Я не для того целых два месяца пыталась сюда протиснуться, чтобы выполнять задание спустя рукава.

От этих слов моя паника взвинтилась до потолка. Говорить я уже не могла. Как и выжить. Ринулась к выходу.

Но маньячка из темноты оказалась куда проворней меня. И, очевидно, её зрение привыкало к темноте куда быстрее моего.

Схватив меня за волосы почти у самого выхода, она дёрнула меня на себя, прошипев:
— Не так быстро, будущая мамаша.

Потом тихонько хмыкнула, добавив жуткое:

— Хотя насчёт мамашы мы ещё посмотрим.

Резь внизу живота нарастала. Обезумев от ужаса, я принялась хныкать:

— З-зачем вы...

— Затем, — зашипела она почти у самого уха. — Что мужу своему ты не нужна. Ни ты, ни твой ублюдок. Слышишь? Он хочет, чтобы вы оба из его жизни исчезли!

Паника всё-таки сумела принести и благие плоды. Последние слова будто молнией меня насквозь прошили. Я сделала безумный рывок, да такой силы, что сумасшедшая не справилась, ослабила хватку, и я рванулась из комнаты, отчаянно голося.

У меня получилось. Я освободилась!

Сейчас на мой крик сбежится весь дом. Я...

Увесистый тычок в спину заставил меня споткнуться и едва ли не кубарем полететь на пол, к подножию уходившей вниз лестницы.

Заорав, я успела вывернуться, чтобы не упасть на живот, но порядочно грохнулась поясницей.

Вокруг нарастал неясный шум — то ли слуги сбегались, то ли шум этот был исключительно в моей голове.

Нет, я в порядке. Я в порядке, только...

Низ живота скрутило от невыносимой боли, я опять закричала.

Малыш... Господи, я теряю своего малыша!

Глава 25

— ...следить за состоянием. Понимаете?

— Да, понимаю. Могу я остаться тут, вместе с ней?

— Ваше право. Но не думаю, что она очнётся раньше вечера...

Обрывок диалога где-то у меня над головой почти заставил разлепить свинцовые веки. Но только почти.

Я продолжала пребывать в каком-то странном полусне, не понимая, что со мной и где я. Силилась несколько раз поднести руки к своему животу. Но не получалось дёрнуть даже мизинцем.

Неимоверная тяжесть сковывала непослушное тело.

А потом стали приходить воспоминания.

Благо, приходили они постепенно. Навалились бы разом — и от шока я, наверное, свалилась бы оттуда, где бы сейчас ни находилась.

Когда до меня наконец-то добрались их последние, самые страшные крохи, и я вспомнила жуткую боль внизу живота, тело само среагировало. Безо всякого спроса.

Я содрогнулась и резко втянула в себя воздух.

Надо мной кто-то испуганно охнул.

— Саша! Саша, ты слышишь меня?

Я распахнула глаза и дико ими вращала, пока зрение не прояснилось.

Можно было только представить, как моё пробуждение выглядело со стороны.

Надо мной склонилось побелевшее от страха и осунувшееся от переживаний л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.